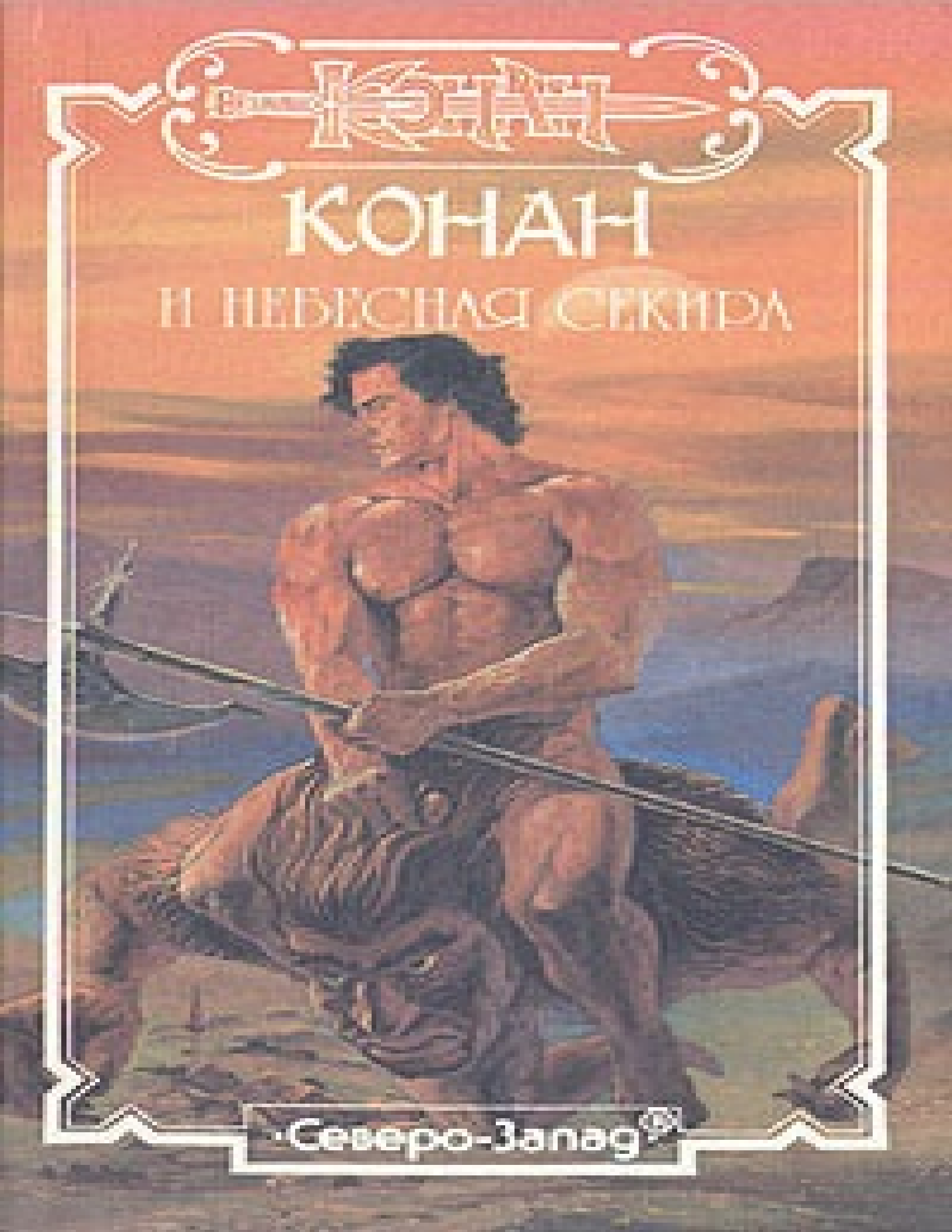
Конан
КОНАН
И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА
Северо-Запад

Annotation

…В поисках сокровищ, киммериец попадает в зловещий мертвый город, затерянныйв отрогах Карпашских гор…

•

Стефан Корджи

Конан и боги чаш

Глава I

— К-рр-ром! — прорычал высокорослый черноволосый всадник, плотнее закутываясь в видавший виды дорожный плащ. Небеса разверзлись, на узкую горную тропу низвергался настоящий поток: снег пополам с дождем и градом. Все это сопровождалось еще и пронзающим ледяным ветром, словно все злые колдуны этих краев объединились в стремлении довести Конана-киммерийца до последней степени бешенства. Конь, похоже, разделял чувства своего наездника.

Предательская тропа, что змеей вилась вдоль обрывистого склона, размокла вконец. Копыта жеребца скользили среди жидкой грязи, перемешанной со скользкими булыжниками. Каждый шаг мог стать последним. Словно чувствуя это, конь жалобно заржал, поворачивая голову к седоку. Мол, сколько же можно? Погибнем же оба, хозяин…

Встретив выразительный взгляд больших фиолетовых глаз жеребца, Конан вновь выругался. Да, тропа стала очень опасна — просто смертельно опасна, а он, Конан, как раз и сумел выжить в десятках гибельных приключений именно потому, что умел не рисковать попусту. Самым разумным сейчас было бы отыскать местечко посуше под каким-нибудь выступом — они попадались довольно часто — и переждать дождь. И в иное время Конан бы так и поступил, но сейчас…

Всю Пустыньку — знаменитый воровской квартал Шадизара — недавно облетела весть о том, что на западе, в Карпашских Горах, некие грабители могил отыскали дорогу в мертвый город на берегу почти что высохшей реки. Так в покинутых храмах и опустевших дворцах, где молились неведомым богам и правили неведомые короли, грабители натолкнулись на сказочные, небывалые богатства. Однако выбраться из города сумел только один счастливчики — остальные пошли на корм охранявшим мертвый город демонам и прочим страшилищам. Единственный уцелевший повредился в уме от счастья — однако все видели громадный изумруд размером с куриное яйцо, которое парень по глупости показал в какой-то таверне. Прежде, чем окончательно помешаться, он успел продать свою добычу и надежно спрятать деньги — после чего зажил в свое удовольствие в хорошем, тщательно охраняемом особняке, окруженный сиделками и врачами. Разум оставил его окончательно, однако золото лежало в солидном банкировском доме, аккуратно платившем по счетам — и несчастный безумец мог ни о чем не беспокоится.

Правители Шадизара не преминули проверить прокатившиеся волной слухи. Однако несколько поисковых отрядов вернулось ни с чем; отнять добычу у удачливого вора власть предержащие побоялись. Ростовщики были весьма влиятельной кастой в городе, в последнее время они заигрывали с известными грабителями, подбивая их класть золото в банкирские дома, и потому твердо блюли свое слово — доверие рыцарей удачи стоило очень дорого. Если бы добыча была отнята у везучего охотника за сокровищами, то ни один обитатель Пустыньки не подошел бы к заемной конторе и на полет стрелы — разве что только с намерениями, весьма далекими от помещения вклада.

Конан начал действовать немедленно, как только своими глазами увидел изумруд в руке счастливого полуидиота. Запасшись снаряжением и провиантом, на сильном и выносливом коне он в одиночку выехал на поиски. Неудачи, постигшие городских стражников, его не смущали. В Шадизаре испокон века побаивались Карпашских Гор, где, болтали, по ущельям до сих пор носятся голодные призраки-вампиры, высасывая кровь у живых… Сам же варвар, несмотря на то, что в жизни ему пришлось немало встречаться и с вампирами, и с призраками, нимало их не боялся. Острая сталь и верная рука служили хорошей защитой. А в последнее время он не расставался с заветным мечом, эфес которого был увенчан зачарованным серебряным шариком — этот шарик помог киммерийцу сразить не одного демона и рассеять не одно заклятье, пока северянин сражался с орденом Ночных Клинков…

Однако с самого начала Конану не везло. Погода внезапно и резко испортилась, стоило киммерийцу выехать за пределы города. Со всех сторон наползли тучи, а потом, словно острые вершины гор вспороли облакам жирные животы, с небес хлынуло, да так, что даже видавший виды Конан ежился и ругался.

Нужно было останавливаться — однако Конану казалось, что с час назад, пока тропа не нырнула в боковой отвод ущелья, а завеса ливня на миг ослабла, он, Конан, заметил впереди смутные очертания полуобрушенных шпилей и громадных куполов. Видение длилось секунду, не больше, а потом налетел ревущий порыв ветра, таща за собой крутящиеся дождевые вихри, и перед глазами Конана вновь была лишь серая мгла.

И еще одно заставляло киммерийца спешить — пока тропа не размокла окончательно, на ней четко и ясно видны были следы двух людей. Кто-то опережал киммерийца, а Конан терпеть не мог, когда кто-то оказывался у добычи раньше него самого.

Склон свернул влево, к северу. Ущелья сужалось, во мгле замаячили очертания противоположного склона. Внизу на камнях бурлил стремительный ручей. Конан посмотрел вниз — нет, не перебраться. С конем — никогда. Значит, придется петлять дальше.

Словно издеваясь над нетерпением северянина, тропа неспешно принялась петлять по бесчисленным ответвлениям ущелья, становясь все уже и опаснее. Конану пришлось спешится. Ветер неожиданно стих и тут — спасибо туману! — киммериец услыхал впереди негромкие голоса.

Говорили двое, и находились они, судя по всему, совсем близко — за ближайшим изломом тропы.

— Говорил же тебе — незачем и выходить было в такую погоду…

— А кто сам такое устроил? Кто? Я? Кто у нас великий погодный маг? — Это было сказано с явной издевкой. — Кто говорил — да я их только со следа собью, а на нас ни одной капли не упадет?

— Ну… так вышло… зато смотри, какой ливень! Ни одна собака не выследит!

— Ага. Не выследят. А кто за нами по ущелью идет? Ты что, его не чувствуешь, погодник?

— Н-нет… я дождем был занят… а что, правда?

— Правда, правда… — пробурчал второй голос — заметно ниже и басовитее первого. — Я-

то его отлично чую… Он сейчас где-то рядом…

— Так он же услышит, как мы разговариваем! — всполошился первый собеседник.

— Вспомнил… — желчно усмехнулся второй. — Думаешь, все такие рассеянные, как ты? Я-то про защиту не забыл…

Конан невольно скосил глаза на эфес своего меча — серебряный шар светился ровным розоватым светом. Выпив силы многих поверженных демонов, многих разрушенных заклятий, шар отлично чувствовал чужое волшебство. И, похоже, мог его развеивать.

— А что же мы станем с ним делать? — озабоченно осведомился первый. — Кто он вообще такой? Откуда здесь взялся?

— Пакар его знает. Безумец какой-то, — отозвался бас.

— А, может… — задрожал первый голос, — может, он прознал…

— Молчи!!! — зашипел второй. — Даже под защитой об этом говорить нельзя ни в коем случае!

— Молчу, молчу, молчу… — зачастил первый. — А… все-таки… что делать будем? Ты у нас в этих делах главный…

— Погоди, дай подумать. Может, лавину на него спустить? Из грязи? Следов не останется… Сумеешь, погодник? Склон как следует размочить, и…

— Попытаюсь, — уныло отозвался тот, кого назвали погодником.

— Только смотри, не нам на голову, — предупредил бас. — А то я тебе так врежу…

— Не грози! — злобно зашипел первый голос. — Скажи, пожалуйста, какой выискался! Сам — ученик третьего ряда, только и умеешь, что подковы ломать, потому как не обделил тебя, дурака, Митра силушкой!..

— Эй, ты! Не я защиту ставил, что ли?!.. — рявкнул в ответ бас.

— Ставил, ставил, да только не знаю я, что ли, как ты медальон сестры Танит получил? Думаешь, не видел, как ты по утрам из ее окна выпрыгивал? Скажи спасибо, орясина, что я отцу-настоятелю до сих пор на тебя не донес!

— Ах, ты… — второй голос задохнулся от гнева. Что-то захлюпало.

— Не скачи, все равно не поймаешь! — взвизгнул погодник. — И ты что же, совсем забыл, куда мы посланы? и зачем? И что с нами сделают, если мы не вернемся в срок?.. Утихни, кому говорю!

Как ни странно, эти слова возымели действие. Хлюпанье и шлепанье затихли.

— Ладно, ладно… — пробурчал бас. — Ну так что, лавину устраивать-то будешь или нет?

— Вернее будет, если ты мне свой медальон дашь, — неожиданно потребовал погодник. Конан готов был поклясться, что в голосе говорившего проскользнуло какое-то злое нетерпение, словно вот-вот должна была захлопнутся некая западня, так что киммерийцу даже захотелось крикнуть неведомому обладателю таинственного "медальона сестры Танит" — "не отдавай!"

— Это-то тебе еще зачем? — подозрительно осведомился обладатель низкого голоса. — Она эту вещь отдала мне, понял, погодник? МНЕ! И ты ее не получишь. Давай лучше, работай, если ты такой крутой — как же, ученик второго ряда!

— Ты сначала доберись до второго ряда, а уж потом шутки шути, — прошипел погодник. — Так что, не дашь медальон?

— Не дам! — отрезал бас.

— Ну, тогда я все отцу-настоятелю выложу…

— А что же раньше не выкладывал, коли такой праведный? — рявкнул утешитель сестры Танит.

— Да тебя, дурака, жалел. Думал, приятели все же…

— Ага, жалел ты меня… — желчно усмехнулся обладатель медальона. — Когда меня

пороли и сквозь строй гнали — кто больше всех усердствовал, а? Другие-то норовили мимо ударить или там послабее как-нибудь, а ты?..

— Так у меня ж за плечом настоятель стоял! — плаксиво затянул погодник. — Смотрел… за каждым движением следил… А меня ж тогда с дочкой водовоза застукали, я насилу отперся! Не знает будто!..

— Знаю, знаю… — проворчал бас. — Ну, все, хорош болтать, берись за дело. Идти надо, а у нас этот тип на плечах висит. И Чашу не вскроешь…

— Да, — уныло согласился погодник. — таким заклятьям только в старшем ряду и учат… А тут до первого-то не знаешь, дотянешь ли, нет… Так как, не дашь медальон? С ним-то я такого наворочу!..

— Нет. Не дам! — вновь отрезал бас. — Не стой ты столбом, во имя Пакара! Плети свое чародейство!

— Ладно, ладно, начинаю…

Разговор оборвался. Наступила тишина — только дождь лупил по мокрым камням и размокшей глине, да журчал ручей внизу, разбухнув от непрерывного ливня. Сжав зубы и держа меч наготове, Конан двинулся вперед.

Надо сказать, что киммериец с давних пор терпеть не мог волшебников. Всех и всяческих магов, чародеев, некромантов, заклинателей и прочих якшающихся с потусторонними силами народ Конан глубоко презирал и старался держаться от них подальше. Правда, удавалось это далеко не всегда… Вот и теперь — он явно столкнулся с какими-то колдунами, пусть не самыми сильными, судя по речи — учениками, но все равно: в таких случаях надо нападать первым. Иначе тебе просто не дадут пустить в ход честную сталь.

Шар на эфесе светился все ярче и ярче.

Оставленный Конаном позади жеребец прижался к скале, пытаясь найти убежище от дождя и ветра. Никакого желания последовать за хозяином он не выказал.

Северянин осторожно обогнул выступ скалы, вокруг которого обвивалась тропа. Хоронясь за громоздящими валунами, не обращая внимания на текущие по телу струи холодной воды (плащ свой киммериец оставил вместе с конем), он осторожно пробирался вперед.

Серебряный шар был хорош, он не раз выручал Конана в схватках с орденом Ночных Клинков — однако на сей раз какие-то охранные заклятья все же сработали. Что-то внезапно резко свистнуло, хлопнуло и страшной силы удар в плечо бросил варвара в липкую ледяную грязь между камней. Впереди раздались всполошенные крики.

— Ах, ты… — вне себя от ярости прохрипел Конан. Он вскочил на ноги. По груди и животу стекала жидкая глина. Перед глазами сгустился непроглядный сырой туман — варвар не видел собственную руку с мечом, выставленную вперед.

Стоять на месте было нельзя. Сейчас эти колдуны разберутся, что к чему, и тогда ему несдобровать. Если в ход идут чары, меч может не помочь. Да и серебряный шар тоже.

Завеса тумана внезапно лопнула. Конан очутился на крохотном пятачке, притулившемся возле отвесного склона скалы. Несмотря на дождь, там горел костер, и земля вокруг него была совершенно сухой. На камнях были свалены заплечные мешки; а возле огня стояла странного вида чаша с двумя полукруглыми ручками по бокам; и, похоже, чаша была серебряной.

А перед костром, растеряно глядя на Конана, застыли двое совсем молодых парней в холщовых рубищах, босые, с длинными увесистыми посохами. Один — мозгляк мозгляком, низенький, щуплый, с какой-то крысиной мордочкой вместо лица, живо напомнившей Конану незабвенного Веледа, бодейского императора воров. Второй — плечистый, крепкий, с квадратной мордой самого что ни на есть злодейского вида; с таким лицом в заведении Абулетеса приняли бы за своего. И посох свой он держал, точно копье.

Если бы Конан и хотел вступить в переговоры, он все равно не успел бы этого сделать. Оба парня бросились на киммерийца, размахивая посохами — надо сказать, очень умело и быстро. Посоха крутились, вертелись, их концы описывали сложные восьмерки и петли — нечто подобное киммерийцу доводилось видать в Туране, где на ярмарках порой выступали циркачи из Кхитая и Вендии, показывавшие изумленной публике свое невероятные, сказочные приемы боя…

Северянин усмехнулся. Все эти ужимки и прыжки, по сути, основаны на одном — что мечу не под силу разрубить толстое и прочное дерево. Ну вот сейчас мы и посмотрим, так ли это…

Конан радовался схватке. Эти двое хотели спустить на него лавину, похоронить под толстым слоем камней и глины — так пусть же теперь расплачиваются!

Клинок его свистнул. Взлетел подставленный под удар посох — и сухое старое дерево оказалось рассечено надвое. Щуплый недоуменно уставился на обломки в своих руках; а в следующий миг серебряный шар на эфесе киммерийца аккуратно и точно ударил парня по голове. Погодник всхлипнул и, подняв тучу брызг, шлепнулся прямо на пузо — в большую и глубокую лужу.

Напарник ученика второго ряда, однако, не растерялся. Посох крутнулся раз, другой, третий — так что даже Конан не мог проследить за всеми его движениями — и едва не подсек ноги киммерийца. Варвар едва успел отпрыгнуть в сторону. В следующий миг он уже бросился врукопашную — а здесь мало кто в хайборийских землях мог бы с ним сравниться…

Конец посоха лишь слегка задел киммерийца, а вот достославного ученика третьего ряда кулак киммерийца отбросил шагов на семь. Парень врезался спиной в скалу и осел в грязь. Глаза его закатились — он был без сознания.

— Та-ак… — протянул Конан, обозревая поле сражения. Оба его противника опасности не представляли — валялись без чувств, и, судя по всему, в себя должны были прийти еще не скоро. Киммериец ловко, что свидетельствовало о большом опыте, связал обоих и приступил к осмотру трофеев. Они были невелики, даже можно сказать — ничтожны: заплечные мешки с ничем не примечательным скарбом и закопченная серебряная чаша. Крышка ее была наглухо запаяна.

Заинтригованный, Конан приподнял сосуд, оказавшийся неожиданно тяжелым. Встряхнул — ни звука; ничто не булькало, не перекатывалось. Чаша была либо заполнена под самую крышку чем-то вроде воска, в середине которого покоился здоровенный камень, либо… Конан терялся в догадках.

Он достал нож и попытался открыть чашу. Однако запаяно было на совесть, лезвие скользило по шву и лишь зря тупилось.

— Ишь ты! — Конан решил, что этой чашей стоит заняться всерьез. Вернулся, привел под уздцы храпящего жеребца — конь явно чего-то боялся — и вновь принялся за дело. Нашел подходящий камень, тщательно наставил кинжал и как следует ударил булыжником по рукоятке.

Это подействовало. В прочном шве появилось небольшое отверстие, из которого тотчас же послышался томный и капризный женский голос.

— Что, уже все?.. Можно выходить? мы в храме, и идут священные обряды?

Конан слегка оторопел.

— Эй! ты кто? — Он осторожно потряс чашу.

— Как это кто, невежда! — сердито взвизгнули в чаше. — Я — Великий и Могучий Крылатый Ночной Ужас, Я — Смерть, Разящая на Рассвете, Я — Гибель, Настигающая Нечестивцев, врагов истинной веры! — неожиданно голос замолк, на миг, спустя деловито осведомился: — А ты готов принять смерть? Мученическую, коя послужит вящему прославлению истиной веры?

— Чего-чего? — У Конана глаза полезли на лоб.

— Великое небо, какой тупой! — вздохнули в чаше. — Ты умирать будешь или нет? Сколько можно спрашивать?

Вместо ответа киммериец подтянул к себе меч, нацелил его эфесом вниз и как следует ткнул серебряным шаром в дырку. Раздался глухой визг, из чаши вырвалось легкое облачко оранжевого дыма.

— Еретик! Богохульник! Отступник! — вопило существо внутри. — Погоди, сейчас я выберусь оттуда.

Конан вновь ткнул шаром на эфесе в чашу. Вновь раздался яростный визг — и внезапно из отверстия брызнул сноп искр. Шов покраснел и начал размягчаться; от чаши шел сильный жар.

— Кр-ром! — прорычал киммериец. Он понял, что придется опять иметь дело с каким-то сверхъестественным существом — чего киммериец терпеть не мог, наверное, даже сильнее, чем с магами и волшебниками.

Пинком ноги Конан перевернул чашу — так, чтобы она угодила в лужу повнушительнее. Раздалось громкое шипение, повалил пар; сквозь шипение и свист доносились какие-то неразборчивые возгласы — очевидно, существо было отлично знакомо с шадизарской площадной бранью. Жидкая грязь, пузырясь и булькая, мало-помалу затекала внутрь чаши. Раскаленный шов остывал.

— Негодяй! — вопило существо. — Ты заплатишь мне за это страшную цену! Я выпью твою душу, я сожру твою печень, я зажарю твое сердце!

— Стану я тебя ждать, как же, — ухмыльнулся Конан, взбираясь в седло.

Тропа дальше неожиданно расширялась, и киммериец уже предвкушал более-менее нормальную дорогу, как из отверстия в чашу вырвался самый настоящий огненный клинок, в несколько мгновений вспоровший прочный и толстый шов. Крышка отогнулась в сторону; над устьем чаши сгустился плотный серый туман, стремительно принявший очертания молодой девушки с красивым и злым лицом. Под черными как смоль бровями мрачно горели зеленые тигриные глаза. Тонкое одеяние — нечто вроде ниспадавшей длинными прямыми складками накидки — было все заляпано глиной, которую девушка и пыталась стряхнуть, брезгливо смахивая пальцами.

При всем притом выглядело девица не очень. Видно было, что она — призрак; и в некоей степени материально только ее одеяние. Все же остальное было словно соткано из нитей тумана — и при том казалось страшно худым.

Взор зеленых глаз уперся в Конана, и бесстрашный киммериец почувствовал, что ему становится не по себе. Было в этом взгляде нечто оценивающее — сам Конана примерно так же смотрел на поданный ему Абулетесом обед.

Жеребец испуганно заржал и забился. На расширившейся, но все равно еще довольно-таки узкой тропе сражаться конным было равносильно самоубийству. Северянин соскользнул с седла. Меч он держал в ножнах, эфесом вперед. Серебряный шар ярко светился, и это свечение заставило зеленоглазую красотку чуть поумерить прыть. Она злобно зашипела, точно рассерженная кобра; руки со скрюченными на манер когтей пальцами невольно опустились.

— Хитрый… хитрый какой… — хрипло проговорила красотка, облизывая губы.

Конан сделал шаг вперед. Девица отступила — и тут ее взоры упали на двух бесчувственных парней.

Зеленые глаза вспыхнули. В них была такая дикая, людоедская радость, что Конан даже отшатнулся. Рыча, точно терзающая добычу львица, красотка накинулась на беззащитных людей. Зубы и ногти призрака впились в плоть. Брызнула кровь — девица одним движением перервала погоднику горло и жадно припала к ране внезапно очень широко раскрывшимся ртом.

Не помня себя, Конан рванулся вперед, занеся для удара серебряное навершие эфеса. На его

глазах призрак обретал плоть — колышущаяся, бестелая фигура наливалась жизнью, сквозь складки одеяния больше не просвечивал камень скалы. Руки перестали казаться высохшими дланями скелета — кожа свежела и молодела с каждым мигом.

Упыриха жадно сосала кровь из раны на горле несчастного парня. Конан налетел на чудовище, словно ураган на морской берег. Удар был нацелен в голову вампирше, однако та лишь небрежно вскинула левую руку — и замах Конана пропал втуне. Ножны отскочили от подставленного локтя красотки, словно тело ее было из сплошной стали. Киммериец едва устоял на ногах.

Второй парень — тот, что был покрепче — зашевелился и застонал. Он приподнял голову — и глаза его расширились от ужаса.

— Нет!.. — Вот и все, что он успел выкрикнуть. Вся перемазанная кровью, упыриха метнулась к нему, одним движением напрочь оторвав бедняге голову. Кровь так и хлестнула.

— А теперь ты! — Измазанный алым рот вампирши растянулся в жутком подобии улыбки. Блеснули острые зубы. Вытянув руки, чудовище шагнуло к Конану. Ни сталь клинка, ни серебро тревожно замерцавшего шара, похоже, ничуть не волновали упыриху. Губы ее растягивались все шире, рот превращался в настоящую пасть, очень смахивавшую на акулью.

Конан ответил стремительным выпадом. Меч он держал эфесом вперед — однако руки чудовища двигались быстрее, чем у самого умелого и сильного бойца. Киммерийца отшвырнуло в сторону с такой силой, что он едва удержался на узком краю обрыва. Меч вырвали из его рук.

Упыриха расхохоталась.

— Ну вот, теперь ты мой!

Она вновь двинулась к нему. Конан отступил в сторону, потом еще раз и еще — так, чтобы девица оказалась спиной к обрыву. Ему это удалось; лопатки северянина коснулись твердого камня. Рядом, на вершине громадой, вросшей в землю глыбы, лежал еще один валун — поменьше, но тоже почти неподъемный. Застонав от натуги, варвар успел вскинуть каменную глыбу над головой — и что было сил метнуть ее прямо в грудь упырихе.

Она успела подставить руки — однако ее опрокинуло на спину, ноги обретшего тело страшилища поскользнулись на мокрой глине — и упыриха с отчаянным воплем полетела вниз, на ждущие камни.

Мокрый хлопок. Тело напоролось на острую вершину гранитной глыбы и оказалось разорвано пополам.

— Вот так, — вырвалось у Конана. Пинком ноги он отправил вслед за упырем и служившую ей вместилищем опоганенную чашу. Успокоил напуганного коня. И, взобравшись-таки в седло, поехал дальше. Дождь слабел — похоже, со смертью погодника чары начали рассеиваться. Конан бросил последний взгляд на место побоища, покачал головой и тронул поводья.

Глава II

Погода заметно улучшалась. Тучи поднялись, рассеиваясь в небесной выси; туман расползался в стороны рваными клочьями. Видно стало лучше — а вот дорога совсем испортилась. И это оказалось тем более обидно, что кончилась она как раз в виду того самого города-призрака, куда так упорно пробивался Конан.

Киммериец стоял, держа под уздцы коня. Город был еще подернут остатками туманной мглы, словно нищий, завернувшийся в зияющий прорехами плащ. Видны были остатки башен, стен, каких-то домов; все превратилось в бесформенные груды темно-коричневого камня. Уцелели одни лишь шпили — неправдоподобно тонкие, высокие, они казались наконечниками

копий, упертыми в мягкое подбрюшье облаков. С высоты Конану казалось, что он различает линии улиц, хотя по своему опыту искатель приключений знал, что стоит ему оказаться там, среди развалин, как все исчезнет, и вокруг него останутся одни лишь завалы искрошенного неведомыми силами камня.

Далеко позади осталась мертвая упыриха — однако киммерийцу казалось, что он видит насмешливый, ждущий взгляд злобных зеленых глаз даже сейчас. Чем-то она была сродни этому мертвому городу — может, оттого, что среди коричневого однообразия время от времени вспыхивали зеленые искры одиночных изумрудного цвета плит?

Прямо под ногами у Конана начиналась пропасть. Далеко внизу смутно виднелось дно ущелья, точнее, уже не ущелья — долины. Камни исчезали, уступая место буйно разросшимся сорным травам и кустам. Когда-то город, наверное, окружали поли и сады — от которых, разумеется, уже давным-давно ничего не осталось.

Конан не знал, что за люди жили здесь, почему покинули насиженные места, не взяв с собой даже сокровища. Не знал и не хотел гадать. Ему хватило приключения с упырихой — когда впервые спасовал даже его заветный, зачарованный серебряный шар на эфесе. Сейчас, пожалуй, он оставит коня здесь — искать дорогу в обход слишком долго — и спустится сам…

Сказано — сделано. Выросший в Киммерии Конан сызмальства привык скользить по скалам ловчее горной змеи. А тут склон, хоть и был слишком крут для лошади, ловкий человек мог спуститься спокойно.

Миновав широкую полосу разнотравья, Конан подошел к краю развалин. Руины показались ему ничем не примечательными — груды камней, и все. Кое-где торчат чудом пощаженные временем концы деревянных балок.

Конан взобрался на одну из каменных куч. Да-а… здесь копаться — нужно несколько сотен сильных рабов… чтобы перекидать все это по камушку…

Киммериец решил пройти чуть дальше в глубь города — ему казалось, что в лучше сохранившихся шпилях, чьи широкие круглые основания из тесаного камня вынесли неведомый натиск, у него больше шансов отыскать что-либо стоящее.

Первый шпиль его разочаровал. Вход в каменное основание когда-то запирали створки ворот, теперь от них не осталось и следа — как и от всего мало-мальски ценного, что могло здесь находится. Пыль, помет каких-то мелких тварей, кости… Над головой уходили ввысь черные ребра, поддерживающие всю сложную конструкцию шпилей. В остальном же громадное помещение не содержало в себе ничего интересного — только камни и пыль. Если здесь и были сокровища, то их либо давно вынесли, либо искать их следовало совершенно не так, а тщательно простукивая пол и стены…

Конан уже совсем было решил, что ему не повезло и придется заниматься долгими и утомительными раскопками, когда взгляд его случайно упал на черный провал входа в соседний шпиль. Киммериец присмотрелся — так и есть. Следы! На камнях — желтая глина, принесенная с гор. Здесь прошли люди — и совсем недавно. Ну, а где люди — там и деньги должны обретаться!

Повторяя про себя эту нехитрую заповедь шадизарских воров, Конан прокрался ко входу. Точно! Внутри раздавались приглушенные голоса.

Киммериец неслышной тенью скользнул внутрь. Прятаться было легко — свет проникал лишь сквозь узкие и редкие бойницы.

В самой середине зала прямо на каменном полу был разведен огонь. У костра, завернувшись в плащ, сидел человек; а рядом с ним в раскрытых переметных сумах тускло блестело золото.

У северянина перехватило дыхание. Ага. Значит, слухи, с одной стороны, не врали, а с

другой — эти типы сумели опередить его, Конана; Ну хорошо, посмотрим, послушаем…

— Этого достаточно, Збигар, — холодно произнес сидевшей у огня человек. — Увяжи все сумки. Те двое с чашей вот-вот должны быть здесь. Кордан! Высланы стражники им навстречу?

— Высланы, мастер, — прохрипел Кордан, низкий толстяк, в чьих могучих руках тяжелый боевой топор казался детской игрушкой. — Они должны встретить монахов на развилке. Но… до сих пор я не получил никаких известий… Собираюсь выслать гонца, проверить, все ли в порядке…

— Если твои люди нуждаются в постоянных проверках, то я не буду нуждаться в тебе, — холодно бросил сидящий, отчего Кордан тотчас же повалился на колени, словно ему подрубили ноги.

— Мастер… помилуй… сжалься…

— Иди. И чтобы я через час знал, что тропа обыскана.

Толстяк вприпрыжку бросился к выходу, не заметив затаившегося за камнями варвара.

У огня осталось пятеро, не считая сидящего.

— А у тебя, Филзах — у тебя все готово? Девственницы? Младенцы? Все наличествует? Жертвенные ножи? наточены?

— Все, все готово, мастер. Тринадцать девственник. Тринадцать младенцев. Все собраны, отмыты и сыты, дабы предстать перед Пожирателем в пристойном виде…

— Хорошо! Я не сомневался в тебе. А остальные? Все готовы к приему Чаши?

— Все… все, мастер… все… — раздалось сразу несколько голосов. — Осталось только принять чашу…

— Отлично! Наконец-то наступает тот день, который наш Бог ждал так долго! — сидевший сжал кулаки. В его словах слышался настоящий фанатизм.

Конан лежал, притаившись, и внимательно слушал. Ясно, что здешние заправилы успели разжиться древними сокровищами; и киммериец отнюдь не собирался уступать добычу своим более удачливым предшественникам. Он дождался, пока сидевший жрец разослал всех своих подчиненных с поручениями и остался один, вперив неподвижный взор в огонь — и тогда северянин вышел из тени.

Сидевший вскинул голову. В зрачках играло пламя. Тонкие губы растянулись в подобие усмешки.

— Мясо! — вырвалось у жреца. — Молодое мясо!

— Ну, это мы сейчас посмотрим, кто из нас мясо! — ухмыльнулся северянин. Клинок заплясал перед самым лицом жреца.

— Мне очень нравятся эти твои сумки, — задушевно сказал Конан, аккуратно поднимая тяжелый кожаный мешок. В мешке приятно звякнуло. И в тот же миг киммериец ощутил, что на него словно бы опустилось холодное облако — летучий лед, в один миг сковавший непробиваемым панцирем руки и ноги варвара. Конан застыл — мускулы не повиновались.

— Ну вот теперь-то мы и видим, кто из нас мясо, — прошипел жрец, вставая. В его руке тускло блестел голубоватый камень. — Наивный глупец! Ты явился сюда, в наш город, перед самым праздником Спящего Бога, и думаешь, что твоя нелепая железная игрушка может защитить от чар Камня Спящего? И даже серебряное навершие на твоем эфесе — ничто по сравнению с мощью моих заклинаний! Что ж, ты послужишь приятным дополнением к пиршеству нашего Бога! Эй, люди, сюда, быстрее!

Конан слышал топот ног у себя за спиной и на все лады проклинал свою дурацкую ошибку. Зачем, ну зачем ему вообще потребовалось говорить с этим узколицым? Надо было просто зарубить его — и все. А он, дурак, трижды дурак…

Но помочь себе сетованиями невозможно; и Конан стал ждать. Если его предназначили в

жертву, значит, убьют не сразу. А коли убьют не сразу — у него есть шанс. Северянин уже не раз попадал в подобные переделки — когда торжествующие враги клялись и божились, что вот-вот отправят его, Конана, на корм какому-нибудь жуткому зверю из Бездн — однако ж все те хвастуны впоследствии расстались с жизнями, причем некоторым из них умирали очень долго и болезненно…

Окаменев, Конан ждал. Ему оставалось только одно: ждать и смотреть. Он вглядывался в неприятные, резкие очертания лица верховного жреца, в тонкие линии бескровных губ, узких вытянутых глаз, еле заметных бровей, выгнувшихся двумя длинными дугами — и читал в этом лице, помимо фанатизма, еще и жуткую, дикую, несдерживаемую жестокость. Для этого человека прикончить несколько десятков, сотен или даже тысяч ни в чем не повинных только для того, чтобы "возвеселить Спящего", было парой пустяков. Люди, похоже, для жреца вообще не существовали.

Одеяние служителя Спящего при ближайшем рассмотрении казалось более впору дикому горному пастуху, чем жрецу уважаемого культа. Сшитая из обрывков меховых шкур, вся лоснящаяся и вытертая, с нелепыми кусками разноцветного стекла, нашитыми то тут, то там… Чем больше Конан смотрел на одеяние жреца, тем крепче утверждался в мысли — перед ним не только фанатик, но и безумец.

На зов жреца — которого здесь все именовали «мастер» — сбежалось немало народа. Конан не мог повернуть головы, и потому не видел всех; но и тех, что предстали перед его взорами, было достаточно. Все в каких-то неописуемых меховых лохмотьях, вооруженные сучковатыми дубинами — лишь у единиц Конан заметил настоящие мечи. В глазах у всех — мрачное пламя; на киммерийца здесь смотрели, наверное, еще более плотоядно, чем упыриха в ущелье.

— Это мясо само пришло к нам, в день, когда мы воздаем почести Спящему, — торжественно провозгласил жрец. — Его послали нам те, кто охраняет Священный Сон! Из этого мяса мы приготовим пиршественную трапезу… Здесь хватит на всех.

Собрание разразилось одобрительным ворчанием.

— Пусть нечестивец, пытавшийся украсть наши богатства, останется пока здесь! — распорядился жрец. — Пусть он проникнется ужасом уготованного ему! А мы все отправимся совершать благодарственное служение — ибо время начала Обряда приближается.

Киммериец остался один. Впрочем, не совсем — в воздухе перед его глазами плавало призрачное лицо верховного жреца. Губы презрительно искривлены, узкие хищные глаза горят жадным ожиданием…

Варвар не мог даже сплюнуть — не то что выругаться вслух, чтобы хотя бы этим облегчить душу.

Потянулось томительное время. Конан не знал, оставил ли жрец охрану — хотя к чему, если заколдованный пленник и так не может пошевелить ни рукой, ни ногой?

За спиной киммерийца, у входа, что-то внезапно лязгнуло. Внутренне Конан весь передернулся — это звенели столкнувшиеся в схватке мечи!

Призрачный лик жреца внезапно весь перекосился. Глаза поехали куда-то вниз, рот растянулся до ушей, из-под губ полезли полупрозрачные клыки — но было уже поздно. Откуда-то из-за спины северянина вылетело небольшое беловатое облачко, чем-то напоминавшее распяленную медузу. Пушистые отростки вцепились в жутко изменившийся лик — и по щекам его потекли струи крови. Судорожно дернувшись, лицо исчезло.

В тот же миг Конан ощутил, что сковывавшее его оцепенение тоже улетучилось без следа.

— Скорее, скорее, за нами! — окликнул его сильный, чуть низковатый женский голос. Северянин стремительно обернулся.

У выхода стояли трое — женщина в короткой куртке мечника, свободных кожаных штанах и с кривой саблей в правой руке, (по клинку все еще стекала кровь) и двое совсем молодых парней, почти мальчишек, не старше пятнадцати лет — они сжимали луки. Четвертой была совсем маленькая девочка — ей от силы минуло десять-одиннадцать зим.

— Быстрее! быстрее, пока они не вернулись! — скомандовала женщина. Конан успел разглядеть большие черные глаза под нависшими изогнутыми бровями — такими же, как и у верховного жреца.

Когда тебя спасают, вопросов задавать не следует. Стряхнув последние остатки оцепенения, северянин ринулся за женщиной.

Они промчались мимо громоздящихся руин, и женщина внезапно нырнула в совершенно неприметный, полузаросший травою ход. Он начинался словно обычная канава, однако уже через несколько шагов его перекрывали каменные плиты. Еще одна плита, поставленная вертикально, оказалась магической дверью.

— Быстрее! — обратилась женщина к девочке. Та, испуганно косясь на великана-киммерийца, поспешив что-то забормотала, водя грязными ладошками по шершавой поверхности камня.

Плита послушалась не сразу — сперва ворчливо проскрипела что-то, будто жалуясь на то, что ее беспокоят, и девчонке пришлось даже прикрикнуть. Только после этого плита соизволила подняться.

Конан и его спасители вступили внутрь. За их спинами тотчас раздался тяжкий удар — плита встала на место.

Они оказались в небольшом, тесном помещении без окон. Освещалось оно двумя плавающими в воздухе голубыми огнями — любопытные огоньки тотчас ринулись к варвару — разглядеть поближе, и девчонке-колдунье пришлось отгонять их.

Конан огляделся. В глубине он заметил черный провал еще одного тоннеля, уводившего еще дальше; а вдоль стен тянулись заваленные тряпьем лежанки, служившие также и лавками. В середине стоял колченогий стол — на нем теснились грубые глиняные плошки с какой-то снедью.

— Садись, приговоренный, — услыхал Конан голос женщины.

— Почему это я приговоренный? — удивился варвар, садясь на жалобно скрипнувший под его тяжестью лежак.

— Потому что если бы не мы, Марагар уже вырезал бы их тебя печень, — наставительно заметила женщина. — Он заколдовал тебя, верховный жрец Спящего — и ты, как бык на бойне, пошел бы под жертвенный нож, чтобы ублажить Дремлющего Бога…

Конан дернул щекой — варвар не любил, когда ему напоминали, что он кому-то чем-то обязан — потому что, как показывал опыт северянина, за спасением непременно следует требование сослужить какую-то службу…

— Садишь, ешь и пей. Негусто, но лучше, чем ничего. Это поддержит твои силы — а их тебе понадобится много. И притом очень скоро.

Конан скривился. Его ожидания оправдывались. Тем не менее поставленное перед ним варево пахло весьма аппетитно и он, недолго думая, в один миг очистил миску.

— А теперь вот это… — услыхал он тоненький голосок. Девочка — колдунья, исподлобья глядя на Конана. Руки девочки протягивали киммерийцу зеленый венок — белые и золотистые венчики цветов были еще совсем свежими.

— Зачем? — удивился северянин.

— Так надо. Я согнала колдовство Марагара, но ненадолго. Чтобы его совсем убрать, тебе нужно носить это, — и она уже настойчивее протянула венок варвару.

— Гм… — вырвалось у Конана. Ему совершенно не улыбалось принимать что бы то ни было из рук чародейки, пусть даже и малолетней, тем более — надевать взятое у нее себе на голову.

Однако долго раздумывать ему не пришлось. Кончики пальцев внезапно вновь начали неметь. Накатывалась ледяная волна неподвижности.

— Чувствуешь? Мое колдовство теряет силу, — вновь заговорила девчонка. — Торопись!

Деваться было некуда. Скрипя сердце, Конан взял венок — и онемение тотчас начало отступать.

— Не на голову — на шею, — поправила киммерийца девчонка.

— На ше-е-ю? — неприятно поразился Конан.

— На шею, — кивнула молодая колдунья. — Иначе не подействует.

Взгляды всех собравшихся показались Конану несколько двусмысленными — однако делать было нечего, деваться некуда, и, скрипя сердце, киммериец надел венок на шею. Чувство было такое, что он своими руками затягивает удавку на собственном горле.

— Ну, надел, — буркнул он, закончив. — И что теперь? Я ведь вам что-то должен, я так понимаю?

— Правильно понимаешь, — кивнула женщина. Девочка, точно зверек, притаилась у нее за плечом.

— Я так и знал, что вы спасли меня не просто так…

— Конечно! Зря я положила двух своих людей, прежде чем мы справились со стражниками Марагара? Тебе придется сослужить нам службу… Хочешь ты этого или нет…

— Хочу ли я этого или нет? — разом ощетинился киммериец. — Красавица заруби у себя на носу — я делаю только то, что хочу?! Или то, за что мне очень щедро платят! Понятно?!

— А твоя жизнь — это как, сойдет за щедрую плату? — холодно осведомилась собеседница Конана.

— Моя жизнь и так принадлежит мне! — отрезал северянин.

— А вот и нет! — Женщина рубанула по воздуху. — Мне! Понятно, варвар? Мне! Ты можешь умереть в любой миг, стоит мне только пожелать этого?

Конану не раз приходилось слыхать подобную похвальбу. И далеко не всегда за громкими словами стояла реальная сила. Порой маги блефовали точно так же, как и простые смертные.

Однако на сей раз оказалось, что это не блеф. Женщина дала знак девчонке-колдунье, та пошептала что-то — и Конан почувствовал, как из венка мгновенно высунулись острые шипы, оцарапавшие кожу на горле варвара.

— Теперь ты понял? Я могу расправиться с тобой каждую секунду — но я подарю тебе жизнь, если ты исполнишь то, что я тебе скажу.

В глазах северянина вспыхнуло темное пламя. Это ты зря так делаешь, подумал он, в упор глядя на женщину. Это ты очень зря так делаешь. Потому что я убью тебя при первой возможности. И не посмотрю при этом на то, что там у тебя между ног. Погоди, дай мне только избавиться от твоего зеленого ошейника…

Взяв себя в руки, он вновь сел.

— Ну, ладно, говори, я слушаю.

— Я хочу, чтобы ты убил Марагара, — холодно бросила женщина. — Его и тех, что присылают ему Богов запечатанных в серебряных чашах…

— Богов в серебряных чашах? — против собственной воли заинтересовался Конан.

— Да! Это корень его могущества. Боги в серебряных чашах, свирепые Боги, страшные Боги, перед которыми все падают ниц и отказываются повиноваться мне, Эрглен, законной правительнице Кан-Демура!

— Эрглен? Законная правительница? — в словах Конана слишком явно слышалась ирония, и девушка тотчас же вспыхнула:

— Да, шадизарский пес! Я, Эрглен из рода Эргленорингов, исконных владетелей Кан-Демура! Твои сородичи еще бродили по диким лесам, не зная речи и истинных богов — а гордые шпили Кан-Демура уже поднимались над окрестными долинами! Даже маги Ахерона, Империи чародеев, не смогли сломить упорство правителей Кан-Демура! Мы выстояли!

Конан равнодушно пожал плечами.

— Ну и что? Ведь это было очень давно. А теперь ты нанимаешь меня прикончить одного полубезумного жреца, рядящегося в гнилые шкуры…

Эрглен пристукнула кулаком по столу.

— Он не полубезумен, этот негодяй Марагар! Он полностью в своем уме! Он-то знает, что делает!..

— И что же он делает? — перебил киммериец.

— Он хочет разбудить Спящего, — нехотя процедила сквозь зубы Эрглен. — Это бог, из-за которого в свое время погиб Кан-Демур!

— Каким образом? — заинтересовался Конан.

— Служители Спящего появились в городе давным-давно, и сперва ничем не отличались от поклонявшихся другим богам. Они принесли с собой статую своего божества, возвели храм… А несколько лет спустя, когда у их веры появилось немало новых приверженцев, решили, что пора взять власть в свои руки. Мой прапрапрапрапрадед, тогдашний владыка Кан-Демура, полагал, что легко справится с ничтожным мятежом, однако оказалось, что адепты Спящего владеют сильным и убийственным волшебством. Правитель призвал своих магов, и в Кан-Демуре вспыхнула чародейская волна. И та, и другая сторона очень быстро забыли обо всем, а когда вспомнили, вокруг громоздились лишь руины, да раздавались вопли придавленных и погребенных под обломками жителей. В войне погибли все жрецы Спящего и все маги, сражавшиеся на стороне правителя. Все, кроме одного священника и одного чародея. От них-то и пошли роды колдунов, что по сей день сражаются на стороне правителей, — Эрглен коснулась плеча девочки-волшебницы, — и верховных жрецов, которые нам противостоят. Заклятья превратили Кан-Демур в город-призрак, они закрыли сюда дорогу путникам, и наша война длилась год за годом, поколение за поколением — пока сюда не пробились Торгующие богами.

— Торгующие Богами? Разве Богами можно торговать?

— Оказалось, что можно, — мрачно кивнула эрглен. — Они приносили их в больших серебряных чашах — и эти Боги творили чудеса. Боги или демоны — неважно кто. Марагар сумел приспособить этих купленных им богов к делу. Какими-то чудовищными обрядами — и при посредстве Торгующих — он начал пробуждать Спящего Бога. А если спящий пробудится… то сначала он сожрет все, что есть здесь, в развалинах, а оптом примется за остальное и не успокоится, пока в его утробе не исчезнет все сущее…

— И ты хочешь…

— Положить этому конец. Кан-Демур — мои владения; и я хочу избавиться как от жрецов Спящего, так и от тех, кто торгует богами. Они свили свое гнездо в трех днях пути к северо-востоку. И я знаю, что богов у них покупал не только Марагар… Так что ты сделаешь это для меня. Сделаешь или умрешь. Твоя жизнь не имеет для меня никакой ценности, так что, если ты не справишься с заданием, я прикончу тебя без всякого сожаления, — холодно закончила Эрглен. Девочка-колдунья мрачно, исподлобья смотрела на Конана.

Прищурившись, киммериец несколько мгновений смотрел на сидевшую перед ним женщину. Красивая, молодая и — злая, точно как упыриха, которую он прикончил в горах. Пожалуй, ничем не отличающаяся от нее — кроме разве лишь того, что ее можно убить

холодной сталью.

Меч у Конана не отобрали, он так и висел у пояса. Проверяя бдительность врага, варвар осторожно двинул руку к эфесу — и тотчас отдернул, потому что шипы на венке больно укололи шею. Чародейство следило за северянином лучше человеческих глаз. Принужденно рассмеявшись, Конан убрал ладонь с рукояти.

— Вот так-то, — заметила Эрглен. — Теперь слушай меня, щадизарец! Сегодня у Марагара должен был состояться большой обряд. Он купил еще одного Бога в Чаше, но покупку отчего-то не доставили вовремя, не знаю почему…

— Зато я знаю, — перебил Конан. — Я встретился с ними в горах… В живых остался только я один.

— Что?! — Эрглен даже приподнялась. — Ты… убил… Бога из Чаши?!

— Какой это бог! — презрительно бросил Конан. — Жалкий кровосос, ничего больше. Его тащили двое каких-то бедолаг… Он перервал им глотки. А потом я прикончил его. Если не лень, можно сходить в ущелье и посмотреть…

— Можно и не ходить, — медленно проговорила правительница мертвого города. — Сейчас все сами увидим. — Она прищелкнула пальцами, и девочка-колдунья, проворно выскочив из-за плеча правительницы, споро взялась за дело.

— Да, ты настоящий воин, — несколько мгновений спустя произнесла Эрглен, не сводя глаз с трепещущего над столом видения. — Ты справился с Богом из Чаши… И, значит, тебя послала сюда сама судьба.

Конан помолчал. Теперь все смотрели на него совершенно по-другому — с невольным уважением. Здесь слишком высоко ценили магию и с пренебрежением относились к стали. Ничего, он, Конан, еще заставит их уважать его меч!

— Хорошо, Эрглен. Говори. Где мне найти Марагара и Торгующих Богами?..

Глава III

Конан бесшумно скользил между осыпавшихся груд коричневого камня. Маги и жрецы, схлестнувшиеся здесь когда-то в поединке, постарались на славу — город они и впрямь почти что сровняли с землей. Оставалось загадкой, как уцелели шпили, но про это Эрглен рассказывать отчего-то не захотела, а Конан не слишком и настаивал. Ему важно было как можно скорее выпутаться из этой истории — после чего он посчитается с теми, кто его впутал, а потом отправится в Шадизар, прихватив с собой столько сокровищ, сколько сможет унести. Не первый раз маги, колдуны и чародеи надеялись, что смогут подчинить себе его, Конана, таким простым способом как угроза смерти. Киммериец не раз выпутывался из подобных передряг и научился смеяться над самонадеянностью наделенных магическими силами. Правда, смеялся киммериец лишь после того, как голова врага была отделена от туловища — с магами приходилось держать ухо востро.

Красавица Эрглен, холодная, как лед, защищенная угрюмым чародейством мрачной девочки-колдуньи, чьего имени, похоже, никто не знал, держала себя с Конаном надменно и уверенно. Она приказывала, повелевала, требовала — словно за плечами у нее стояла тысячная армия, а не несколько безусых мальчишек, кое-как умеющих держать в руках мечи. Эрглен верила в волшебство. Конан тоже верил, но еще больше он верил в себя самого.

Киммерийцу предстояло проникнуть в обширный подземный храм Спящего. Как ни старались маги правителя Кан-Демура, им так и не удалось обрушить кровлю этого грандиозного строения. Там все осталось в целости и, наверное, поэтому после окончания

магической войны остатками города правили все же жрецы, а не потомки правителей.

Марагар уже поднял тревогу. Похищение пленника, разумеется, не осталось незамеченным. По всем руинам сновали люди, яростно и бессмысленно размахивая сучковатыми дубинами. Искали Конана и иными средствами; северянин постоянно ощущал холодный взгляд, что скользил совсем рядом. Марагар привел в действие свою магию и, хотя Эрглен гордо заявила, что чары ее колдуньи способны надежно защитить от любых каверз верховного жреца, Конан не слишком верил гордой правительнице. Марагар был отнюдь не слаб и не глуп.

Вход в подземный храм охранялся. Возле ведущей вниз широкой лестницы толпилась стража — десятка два кряжистых мужиков, вооруженных все теми же неизменными дубинами.

"Что же мне, через главный спуск к ним и лезть?" — вспомнил Конан свой вопрос, обращенный к Эрглен.

"Другого пути нет, — надменно ответила правительница. — Тебе придется как следует подумать, потому что если ты попытаешься прорваться силой, тебя тут же прикончат".

Притаившись за грудами обломков, Конан некоторое время смотрел на суету перед спуском. Да, Эрглен явно проигрывала войну. Ей приходилось скрываться и прятаться, с тем, чтобы слуги Спящего ни в коем случае не отыскали ее убежище, в то время как Марагар ни от кого не скрывался, а, напротив, выставлял свою силу напоказ.

…И все-таки не может быть, чтобы у древнего подземного храма не нашлось тайных ходов, секретных тоннелей и тому подобного! во время войны с Ночными Клинками Конану дважды пришлось пробираться по заполненным дерьмом тоннелям, и подобные приключения были ему не в диковинку. Оставалось самое легкое — отыскать подземный ход, который вел бы к молитвенному залу…

Некоторое время Конан, точно пустынный волк, кружил вокруг громадного каменного холма, в который превратились некогда гордые стены великого храма.

Нет, искать здесь второй вход бессмысленно. Так вся жизнь пройти может. Некоторое время киммериец размышлял. Пришедший ему в голову план был отнюдь не самым лучшим, но в таком положении выбирать не приходилось.

Ждать в засаде северянину пришлось недолго. Вскоре мимо стремглав промчался какой-то стражник Спящего, закинув на плечо увесистую палицу. Куда и зачем он бежал — Конан так никогда и не узнал. Одним движением варвар оказался за спиной стражника и одним ударом оглушил его.

Меховые обноски мерзостно воняли. Отплевываясь, Конан натянул гнилые шкуры. Он был киммерийцем, охотником и знал толк в выделывании меха. Такое мог сделать только никуда не годный раб.

Кое-как спрятав меч в складках своего нового одеяния, северянин закинул на плечо дубину, и быстрым деловым шагом направился к широкой лестнице, по которой народ спускался в молитвенный зал Храма Спящего.

Он шел быстро, придав лицу самое серьезное и в то же время спокойное выражение, какое только мог. Уловка сработала — стражники на ступенях не обратили на варвара никакого внимания. Спустившись вниз, Конан оказался в храме.

Собственно говоря, теперь это был уже не храм, а, скорее, что-то вроде тронного зала некоронованного правителя Кан-Демура, где не молились, а решали каждодневные дела. Впрочем, места для жертвенника хватило тоже.

Храм являл собой низкую и длинную пещеру, потолок подпирали десятки болезненно тонких колонн. Окон не было, по стенам горели факелы — какие-то подозрительные факелы, потому что они светили очень ровно и не давали ни вони, ни копоти. В самом дальнем конце — от входа едва разглядишь — помещался черный куб жертвенника. А за ним, в нише, разлеглось

уродливое каменное изваяние, нечто вроде носорога: статуя Спящего.

В зале царили суета и неразбериха. Тащили какие-то чаны, волокли охапки свежих ароматных трав, несли плетеные садки, в которых пищало и скреблось что-то живое. Конан стал осторожно пробираться в глубь храма. Вскоре он уже мог во всех деталях рассмотреть и самого Марагара, устроившегося в глубине древнего предревнего деревянного кресла. Краска с него облезла, само оно рассохлось — но, верно, являло собой некую священную реликвию.

Марагар распоряжался. Видно было, что он чрезвычайно недоволен и разозлен. К нему сплошной чередой бежали люди, согнувшись в угодливых поклонах. Верховный жрец выслушивал первые две-три фразы, после чего тотчас же обрывал говорящего, давая какой-то приказ. Рядом с Марагаром стояла охрана — десяток вооруженных настоящими мечами воинов самого зловещего вида. Кроме воинов имелись еще и двое палачей. У них работы хватало — строгий Марагар редко бывал доволен своими подчиненными, и палачи вовсю работали плетьми. Вопли и стоны избиваемых, похоже, никак не могли потревожить Спящего или же оскорбить его.

Всего по залу сновало никак не менее пяти десятков людей. Конан для вида тоже включился в общую суматоху, внимательно приглядываясь и прислушиваясь. Слова Эрглен были четки и просты:

"Убить Марагара. Статую Спящего — сбросить с пьедестала. Тогда она разобьется на куски и бог погибнет".

Легко сказать — сбросить с пьедестала! как тут сбросишь, если вокруг — цела туча прислужников, того и гляди заметят, что Конан не из их числа. За себя киммериец не боялся — был уверен, что сумеет прорваться, но вот этот премилый веночек на шее… Кром! До чего же эти колдуны спесивы и самолюбивы! Всегда стремятся, чтобы грязную работу за них делали другие…

Конан уже совсем было решили идти напролом, то есть долбануть верховного жреца по голове палицей, когда на ступенях лестницы внезапно раздались крики.

— Пропустите! Пропустите! К великому мастеру! Спешное известие! Пропустите!

Гонец вопил так громко, что Марагар даже приподнялся со своего рассохшегося трона.

Расталкивая растерянных стражников, по ступеням в зал кубарем скатился гонец. Глаза его горели безумным огнем, одежда была изорвана и перемазана желтым. Конана тотчас же узнал ту самую глину, на которой разыгралось его сражение с упырихой.

Не требовалось особых усилий, чтобы догадаться, о чем шепчет гонец на ухо великому мастеру Марагару.

Верховный Жрец позеленел. Не в силах сдержать себя, он вскочил, резко толкнув черного вестника всей пятерней в лицо. Служитель Спящего не произнес ни слова, однако палачи все поняли по-своему, мигом разложив гонца и принялись усердно лохматить ему спину плетьми.

— Великий мастер, за что?! — взвыл бедняга, однако Марагару было явно не до воплей какого-то жалкого мужика. Брови его сошлись. Конану не требовалось никакой чародейской силы, чтобы прочесть сейчас мысли верховного жреца.

Купленный Бог погиб! Чаша валяется в грязи, расколотая и вскрытая! Ученики Торгующих Богами убиты! Едва ли те, кто держит в своих руках этот странный промысел, оставят подобное без последствий… Как бы это ни было, получать еще одного врага Марагар явно не хотел. Он трижды хлопнул в ладоши. Подскочили несколько посыльных; получив какие-то приказы, тотчас умчались в разные стороны.

Под ударами выл незадачливый вестник. Про него, похоже, все забыли, и палачи, не получая знака остановиться, знай себе взмахивали плетками.

Конан продолжал наблюдать. Притаившись в тени за колонной, рядом со сваленными

грудой какими-то кожаными мешками, он видел, как посыльные привели к трону Марагара трех жрецов помладше. После этого охрана без всяких церемоний отогнала суетящихся мужиков подальше от трона.

Совещание длилось недолго. Получив торопливые и угодливые кивки сподвижников, Марагар поднялся, простерев руки в знак того, что желает говорить.

В зале тотчас воцарилась мертвая тишина. Умолк даже поротый гонец. Жрец начал речь; очевидно, он пользовался какой-то магией, доносившей его негромкий голос до каждого, кто был сейчас в этом зале.

— Возлюбленные братья, служители Спящего! Прискорбную весть должен сообщить я вам. Бог в Чаше, который должен был помочь нам пробудить Спящего, не появится здесь в должный срок. Мне придется покинуть вас, дети мои, и самому идти за новым Богом. Бдительно храните наш храм! Старшим остается Оодрон, — один из трех приближенных верховного жреца шагнул вперед и поклонился, хотя все его и так отлично знали. — Мы отложим наш великий обряд на несколько дней. А когда я вернусь, мы пробудим наконец нашего Бога! Эвое!

— Эвое! — взревела толпа.

Конан не мог поверить своей удаче. Если ему удастся взять Марагара по пути к Торгующим Богами… А еще лучше — стравить служителей Спящего с теми, кто посылает им упырей в серебряных чашах… Может так выйти, что ему и не придется ничего делать самому!

Без помех выбравшись из подземного храма, киммериец засел в развалинах — поджидать Марагара.

Однако все оказалось совсем не так просто, как представлялось варвару. Жрец не был ни трусом, ни глупцом, и он пустил в ход магию для того, чтобы проверить, чист ли путь; никак иначе Конан не мог объяснить того, что его внезапно окружили почти две дюжины стражников. Волшебство замкнуло слух чуткого, точно волк, киммерийца, он не слышал ни шагов, ни учащенного дыхания загонщиков и спохватился лишь когда отступать было уже некуда.

— Вот он! Оскорбитель! — завыли и завопили поимщики.

Меч пропел короткую свистящую песнь, вырвавшись из своей темницы. Палицу Конан взял в левую руку — послужит щитом. Силой он превосходил любого из врагов — те орудовали дубьем, лишь держа его обеими руками.

— Кром! — бросив в лица окружавших яростный боевой клич Киммерии, Конан устремился на прорыв. Его прыжок был настолько стремителен, что стражник не успел даже мигнуть, не то что поднять оружие для защиты. Меч снес ему голову, а северянин бросился вниз по осыпающемуся каменному склону.

Они не слишком хорошо умели охотиться на подобную дичь, местные стражники. Цепь их оказалась слишком редкой. Пока они развернулись и вновь погнали Конана, его отделяло от них не менее двух десятков шагов.

Поворот, поворот, поворот… Топот и крики отдалялись, и Конан уже было решил, что легко уйдет от погони, когда выяснилось, что Марагар предвидел подобный исход. Северянина ждала вторая цепь стражников, куда плотнее первой. Причем преграждала она путь не только по проходу между каменными завалами, но и дорогу наверх, по самим завалам.

— Держи, держи, держи-и-и!!!

Меч в руках киммерийца разил с быстротой молнии. Клинок разрубал подставленный под удар палицы, рассекал туловища, сносил головы. Тела валились точно трава под взмахами опытного косаря.

Северянин дрался на узком пятачке. С трех сторон вздымались коричневые стены завалов, с четвертой напирали стражники. Сверху, с осыпей, в варвара старались попасть камнями, но безуспешно — больше доставалось своим.

Драться здешние стражники умели плохо, но их было много, а камней вокруг — еще больше; кто-то быстро сообразил, что надо не лезть под удары неотразимого меча, а издали забрасывать Конана камнями. Обломки коричневых плит посыпались со всех сторон; и тут киммерийцу пришлось туго. Рыча, точно раненый тигр, он ринулся на загонщиков; один, и другой, и третий стражник упали, не успев отскочить; северянин вторично прорвал заслон. Тут уже выбирать не приходилось — от погони нужно оторваться.

Конана гнали долго, мало-помалу отжимая к краю города. Киммериец бегал куда быстрее своих преследователей, но те лучше знали дорогу, выбирали короткие пути, а кроме того, их было много, очень много — едва ли не сотня.

Киммериец оторвался от них только возле последних, окраинных руин. Переведя дыхание, он осмотрелся. Направо от него вздымался невысокий, заросший кустарником холм; впереди маячили угрюмые стены ущелья; налево, насколько мог окинуть глаз, тянулась зеленеющая пустошь. Руины остались за спиной.

Киммериец ползком пробрался на вершину холма. Острый охотничий инстинкт сам подсказывал, что делать. И никогда не ошибался.

Из зарослей киммериец увидел тропу. Извилистая, но хорошо утоптанная, она петляла между купами и кустов, направляясь куда-то к скалам. И сейчас по ней шли люди.

Марагара, великого мастера, верховного жреца Спящего Бога Конан узнал сразу. Негодяй восседал в отрытом паланкине, который тащили на спинах шестеро крепких носильщиков. Еще там была охрана — не менее двух десятков, и двое-трое приближенных. Не приходилось гадать, куда направляется эта процессия — к торгующим Богами. Более удобного момента и пожелать было нельзя.

Конан скользил среди раскидистых, в рост человека зарослей, точно дикий зверь на ловле. Не шевельнулась ни одна веточка, не хрустнул ни один сучок. И, само собой, их охраны Марагара никто не ничего не заметил.

Конан не спешил. Помимо всего прочего, он хотел бы еще разведать дорогу к обители торгующих Богами, и лишь после этого нанести удар. Однако северянин не забывал и о чародействе верховного жреца — подходить к процессии слишком близко было опасно. Второй раз попадешь под обездвиживающие чары — Эрглен уже не спасет.

Срезав угол сквозь непроходимую поросль, Конан опередил процессию. Теперь было видно, куда направляется паланкин — в узкий распадок, неширокую щель, расколовшую поверхность отвесной скалы. Там начиналась новая тропа.

Северянин скользнул в распадок несколько раньше, чем медлительный кортеж Марагара. Устроить здесь засаду было парой пустяков. Конан стремительно поднялся по почти неприступному склону — и если ли хоть один человек, родившийся не в Киммерии, сумел бы последовать сейчас за ним! — затаившись на узком выступе скалы. Здесь отвесный склон становился более пологим, появились камни — иные весьма крупные и тяжелые. Ха оставшееся у него время Конан успел подтащить к краю обрыва почти две дюжины увесистых гранитных глыб.

И все-таки служитель Спящего что-то учуял. Паланкин замер, не доходя шагов двадцати до того места, над которым засел северянин. Марагар съежился в носилках, так что из-под прикрывавших лицо ладоней виднелись лишь зло посверкивающие глаза.

— Он здесь! — тонким голосом внезапно завопил жрец, и в тот же миг Конан швырнул вниз первый камень. Киммериец промахнулся совсем ненамного, и пущенный сильной рукой валун раздробил опорный шест паланкина. Сооружение накренилось, затрещало, и еще миг спустя на земли барахталась целая куча мала — носильщики, воины, все запутавшиеся в складках покрывавшей паланкин ткани…

Конан с ревом бросился вниз. Сейчас или никогда! Обдирая пальцы и живот, он скользил по отвесной каменной стене.

— Чего вы смотрите! — раздался истошный вопль Марагара. — Убейте его! убейте! — жрец отчаянно брыкался, пытаясь выбраться из-под придавивших его к земле обломков паланкина.

Стражники и Конан достигли подножия скалы одновременно.

— С дороги! — взревел киммериец. Он понимал, что все висит на волоске — стоит Марагару привести в действие свою магию…

Дубину Конан потерял, в руке остался один лишь меч. Пуще всего опасаясь того, что лезвие пусть на один миг, но застрянет в теле, а жрец за этот миг успеет наложить на Конана свои чары, северянин не колол, а рубил. Его путь отмечали лужи крови на камнях и снопами валящиеся мертвые тела. Любые более опытные воины отступили бы, несли такие потери, но на сей раз Конана столкнулся с фанатиками, ни во что не ставившими собственные жизни. Место убитых занимали новые; стражники с размаху бросались на клинок Конана, собственными телами преграждая ему путь к паланкину великого мастера. Конан рубил и рубил, точно бог смерти; стражники пытались повисать на плечах северянина, он расшвыривал их, стряхивая, точно медведь псов; и успел как раз в тот миг, когда вставший-таки на ноги Марагар начал творить какое-то чародейство.

Однако меч Конана оказался быстрее. Мелькнули дико выпученные глаза жреца, раззявленный в крике рот… а затем лезвие пересекло шею, и обезглавленное тело, сделав свой самый последний в жизни шаг, тупо брякнулось на камни.

Бой разом прекратился. Пораженные ужасом, уцелевшие стражники смотрели на тело своего повелителя. Конан шагнул было к ним, вновь поднимая меч — однако они бросились наутек и с такой быстротой, словно за ними гнался сам Бог Смерти, черный Эрлик.

— Ну, полдела сделано… — усмехнулся Конан, наклоняясь над головой верховного жреца.

Мертвая голова открыла глаза.

— Проклинаю… — вырвалось из окровавленных губ. — Проклинаю… Торгующие… узнают… — И тут глаза вновь закрылись. Последние остатки магических сил покинули плоть Марагара.

Глава IV

Киммериец тщательно вытер меч. Окинув последним взглядом обезглавленный труп жреца, он двинулся дальше по горной тропе. Однако, пройдя несколько десятков шагов, варвар внезапно остановился. Инстинкт охотника подсказывал, что там, у него за спиной, внезапно появилась опасность. Конан резко повернулся — и тотчас одним движением бросил тело за камни на краю тропы.

Над мертвым Марагаром сгустилось облако тьмы, вспухающее и опадающее, точно бьющееся человеческое сердце. Это облако разрасталось, с каждой секундой становясь все больше и больше, угрожая поглотить в ненасытной утробе все окрест — и тропу, и камни, и склоны гор, и даже, верно, самого Конана.

Подняв меч перед грудью, киммериец отступал, не в силах отвести взора от черного бесформенного мешка, наползавшего на северянина, подобно морскому приливу. В нем ощущалась странная сила, в этом сгустившемся дыме, странная и свирепая, глубоко чуждая этому яркому, солнечному миру… Киммериец множество раз за свою жизнь встречался с самыми причудливыми и удивительными существами. Иные из них, несмотря на грозный вид, оказались совершенно безобидны, другие же — смертельно опасны; попадались северянину и

демоны, и колдуны, и драконы, и иные существа, далеко не всегда из плоти и крови. Однако он впервые видел ожившее облако!

Облако же это, раз взявшись за дело, останавливаться на полпути не собиралось. Полотнища дыма тянулись и тянулись в стороны, точно крылья, словно чудовище вознамерилось стиснуть киммерийца в своих объятиях. Чем могло кончиться подобное объятие, Конан старался не думать. Верхний край черного облака поднялся до самого края ущелья; поднялся — однако дальше не пошел. Там, на высоте, гуляли свежие ветры, и черный, пропитанный злобой дым оказался не в силах бороться с их веселой и бесшабашной мощью. Впрочем, это чудовище и не интересовало. Северянин оказался в дымном полукольце, ему оставалось либо принять неравный бой, либо бежать — по единственной оставшейся у него дороге. Туда, в глубь горной страны, куда вела извилистая тропа — на дальнем ее конце обитали таинственные Торгующие Богами, с которыми Конан был отнюдь не прочь познакомиться поближе…

Так что же делать? Рубить эту проклятую тварь мечом? Но у нее де нет тела! Какой ущерб сможет нанести летучему дыму его железный клинок? Для верности Конан рубанул пару раз сплеча по ползущим темно-серым струям — без всякого результата. Меч прошел сквозь дым, как и полагалось, не причинив последнему никакого вреда. Киммериец развернулся и побежал. Не в первый раз ему приходилось отступать, оставляя поле боя врагу — правда, еще ни один из этих врагов не сумел насладиться плодами своей победы… Конечно, нет ничего хорошего в том, чтобы показывать врагу спину, но хорошо известно, что мертвые умеют только смердеть, а не мстить за обиды.

Бежать по ровной, хоть и узкой тропе было легко. Конан в совершенстве владел искусством длительного бега и вполне мог потягаться с волками — что ему, кстати, один раз и пришлось проделать в молодости. Не останавливаясь, Конан оглянулся — облако медленно ползло следом. Тягаться в быстроте с северянином оно явно не могло.

Конан перешел на быстрый шаг. Похоже, Марагара можно сбросить со счетов. Правда, перекрыта обратная дорога — но всегда остаются скалы, а в умении подниматься по их пусть даже и отвесным склонам варвар не имел себе равных в южных хайборийских землях.

Окончательно успокоившись, вторично Конан обернулся уже чисто порядка ради. Облако ползло следом. Оно двигалось, словно невиданное морское чудовище, выбрасывая вперед длинные струи дыма, точно спрут — свои щупальца. Оно, однако, было далеко. И Конан решил, что больше об этом всклубленном духе обитого им жреца думать незачем. Ползет где-то там сзади — и пусть себе ползет.

Дальше он шел, уже не оглядываясь. Мало-помалу облако отстало, затерявшись где-то за изгибами петлявшего ущелья. Тропа просматривалась не более чем на три десятка шагов; казалось, небесные силы задались целью узнать, сколько поворотов может встретиться в одном отдельно взятом ущелье?

Облако скрылось окончательно, и Конан выбросил его из головы. Он шел своим привычным, волчьим неутомимым шагом. Если все пойдет как сейчас, он достигнет обители Торгующих Богами без особых хлопот, сохранив силы — и тогда они узнают, каково натравливать упырих на Конана, варвара из Киммерии! а кроме того, северянин был не прочь и запустить руку в сокровищницу этих неведомых Торгующих, которые наверняка накопили кое-что за годы занятий своим необычным промыслом! Сейчас Конан уже почти не вспоминал про смертоносный венок на шее. С правителями и правительницами он разберется позднее — а пока вперед!

…А далеко позади широко шагавшего киммерийца следом за ним ползло и ползло черное непроглядное облако, мало-помалу меняясь на пути. В нем замелькали знакомые черты лица верховного жреца Марагара, только гротескно увеличенные. Физиономия врага Конана заняли

все ущелье, от края до края…

* * *

Киммериец шел по горной тропе до самого вечера. Ледники на вознесшихся к поднебесью вершинах уже зарозовели под закатными лучами, когда ущелье внезапно кончилось. Прямо под ногами у Конана разверзлась пропасть. Тропа вела в никуда, точнее — на дно, тонувшее в голубоватой дымке. Сквозь нее смутно виднелись лоскутья желтевших полей. А еще дальше, за полями, там, где мгла становилась почти непроглядной, острые глаза Конана сумели различить смутные контуры какого-то колоссального строения — наверное, в таких жили сказочные горные великаны, которыми матери Киммерии пугали непослушных детей…

Северянин невольно присвистнул. Вниз уходила совершенно отвесная стена, и похоже было, что ее каменотесы немало потрудились, стараясь сделать этот склон еще более неприступным, чем его сотворили боги. Взгляд Конана напрасно шарил по серой скале в поисках малейших трещин, выступов, зацепов, по которым он мог бы спуститься вниз — ничего. Похоже, кто-то положил огромный труд на то, чтобы уничтожить даже малейшую возможность для спуска.

"Но ведь этот Марагар направлялся явно сюда! — мелькнуло в голове Конана. — Дураком его не назовешь — значит, он знал способ спуститься. А до чего смог додуматься какой-то жалкий южный жрец, не укроется и от меня".

Пожалуй, эти слова показались бы кому-нибудь слишком самонадеянными и заносчивыми — но Конан отнюдь не лукавил и не красовался. Ему не раз уже приходилось отыскивать выходы из совершенно, казалось бы, безвыходных положений, когда пасовали его более «цивилизованные» спутники из таких стран, как Аквилония, Бритуния, Туран… Вот и теперь — устроившись на животе, Конан пристально разглядывал поверхность стены внизу, стараясь понять скрытый в ней секрет. Он понимал, что времени у него не так уж много — облако, в которое превратился покинувший тело Марагара дух, быть может, все еще ползло по его следам, приближаясь к краю тропы… Задерживаться здесь не следовало.

Легко сказать, да вот только как спустишься? Конан умел подниматься на новехонькие крепостные стены, но здесь не помогало и все его с детства впитанное умение. Веревки с собой у него не оказалось. И все-таки он должен был спуститься!

Конан подобрал валявшийся неподалеку камень, размахнулся, несильно бросил его в пропасть. Камень, как и положено, полетел вниз, быстро исчезнув в дымке. Затем снизу донесся еле слышный удар — земля была далеко, очень далеко. В задумчивости Конан поднял еще один камешек, бросил не так сильно, поближе — и ему показалось, что камень полетел не совсем так, как должно. Он попробовал еще раз, кинув совсем слабо — камень поплыл вниз едва-едва, словно его поддерживала снизу какая-то сила.

"Вот оно!" — подумал северянин. Правда, радоваться было рано. Что-то уж слишком просто все получалось у тех, кто сотворил здесь этот магический спуск. Что же, никто никогда не мог догадаться бросить камень с обрыва? Едва ли. Или тут рассчитывали, что на укромную, затерянную в горах долину могут наткнуться только совсем уж робкие пастухи или тому подобный народ и никак не ожидали, что в гости к Торгующим богами пожалует сам Конан Киммерийский? Нет, нет, тут что-то не так. Уж слишком явно было приглашение — шагни вниз, пришелец из внешнего мира, и наложенные неведомо кем заклятья плавно опустят тебя на землю! В подобное гостеприимство Торгующих варвар верил не больше, чем в щедрость короля Илдиза.

Конан перекидал вниз десятка два камней, пока не обозначил для себя некий коридор, в

пределах которого действовала неведомая сила. Оставалось проверить, окажутся ли действенными чужие чары, если этим спуском воспользуется он, Конан. Правда, само существование этой магической лестницы наводило на размышления — насколько же тогда велика истинная мощь Торгующих Богами, если им под силу устраивать такие ворота на путях в свои владения? Не окажется ли Конан со своим простым железным мечом бессильным против магов и чародеев, засевших в этой долине?

Киммериец огляделся. Заходить во владения врага через парадный вход нему совершенно не хотелось. Неужели нет никакого другого выхода? Он взглянул вверх — там склон не был столь же гладок и неприступен. Обычная скала, при достаточном умении по ней можно подняться…

Дело было в том, что неведомые создатели зачарованного спуска загладили скалу шагов на двадцать в обе стороны от устья ущелья, по которому вилась тропа. Дальше шла обычная скала. Теперь оставалось только пройти эти два десятка шагов, вися на отвесной каменной стене и слыша лишь свист ветра в острых вершинах…

Конан уже ступил на узкий, в пол-ладони, карниз, что отходил в нужную ему сторону, когда Марагар вновь напомнил о себе. Из-за поворота тропы к обрыву потекли вытягиваясь по камням, черные щупальца, сотканные из густого, непроглядного дыма.

— Кром! — вырвалось у киммерийца. Из глубины тучи на него смотрело лицо убитого жреца — точь-в-точь такое же, как в последние мгновения Марагара. На северянина повеяло могильным холодом. Его клинок, перерубив шею верховного жреца, дал вырваться на свободу куда более мощным силам. Невольно ему вспомнился незабвенный Бодей и император воров Велед, приковавший к собственному телу заклятиями могучего демона. Веледу это, правда, не помогло…

Однако на сей раз киммериец понимал, что угодил в куда более серьезный переплет. Его оружие было бессильно против неведомых демонических чар, заключенных в этом облике. Тут было не обойтись без помощи хорошего волшебника, а еще лучше (чародеев киммериец недолюбливал, даже тех, которые помогали ему самому) — какой-нибудь чародейский амулет. Но — увы! — ни амулета, ни даже волшебника под рукой не было, но неумолимо и неостановимо. Непоглощенными осталось каких-нибудь два десятка футов узкой тропинки.

Конан рванулся было к склону, попытавшись подняться наверх — однако оказалось, что туча — или же заключенный в ней дух Марагара далеко не глуп. Наперерез Конану выметнулись щупальца дыма, отрезая дорогу к спасению. Дымная тварь проделала это с неприятно поразившей Конана быстротой. Северянин оказался в ловушке.

Выставив бесполезный меч, Конан шаг за шагом пятился к пропасти, лихорадочно пытаясь отыскать путь к спасению. Его не было, ни хорошего, ни плохого — вообще никакого. Северянину оставалось только одно — отдаться смертельным объятиям дымного спрута или же рискнуть, вверив свою жизнь создателям магического спуска в долину… И, когда за спиной киммерийца осталось не более двух футов горной тропы, а на запечатленной в облаке физиономии Марагара появилось выражение злобного торжества, Конан резко развернулся и прыгнул вниз, навстречу своей участи, моля в тот миг сурового покровителя его родины не дать ему, Конану, промахнуться мимо заветного коридора.

Он не промахнулся. Мягкая сила подхватила его, он словно проваливался в вязкую глину — но при этом прозрачную. Его тело плавно опускалось вниз.

"И всего-то? — подумал киммериец. — Неужто все здесь так просто?"

Он взглянул вверх. Черная туча нависала над обрывом, и в сложенных из дыма глазах Марагара Конан читал неподдельное отчаяние — добыча ускользала…

Киммериец быстро освободился с необычным положением и даже начал находить в нем известным преимущества. Конечно, куда приятнее летать, чем ползти по скале, постоянно

рискуя сорваться вниз. Вопрос только, чем закончится это столь мило начавшееся путешествие…

Он погрузился в сырую, влажную мглу. Пробил ее, точно соломенную крышу, и вот наконец ноги Конана мягко коснулись земли.

Наверху сквозь пелену слабо просвечивало солнце. Далеко впереди, за купами фруктовых деревьев, вздымались громады построек. Конан усмехнулся и, поправив меч, зашагал по направлению к зданиям.

Он беспрепятственно преодолел весь путь от гор до неведомых сооружений. Мало-помалу здания поднимались все выше и выше; Конан видел бесчисленные статуи, что украшали широкие карнизы и фронтоны. Сами постройки не казались ни дворцами, ни храмами, — высокие, сложенные из серого камня стены вздымались чуть ли не вровень с окружавшими долину скалами.

Дорога киммерийца пролегала мимо тщательно возделанных полей — такого старания в землепашцах он не встречал за все время странствий по хайборийскому югу. Кое-где виднелись хибарки и шалаши, в которых, верно, обитали здешние пахари. Однако, против собственных ожиданий, Конан не встретил на пути ни одного человека. Богатая, плодородная долина, где хлеба вымахивали по грудь, казалась совершенно безлюдной.

Узкой — но аккуратно ухоженной дорожкой, словно в дворцовом парке Илдиза — киммериец подошел вплотную к стене. Ни окон, ни дверей. Правда, по обильно украшавшей стену резьбе можно было легко подняться наверх — там сквозь дымку смутно проглядывали темные проемы окон. Недолго думая, Конан полез вверх.

Он успел подняться уже довольно высоко, прежде чем сообразил, что глаза на сей раз подвели своего хозяина — то, что он принял за окна, оказалось всего-навсего глубокими нишами в стене, пустыми и, по мысли северянина, совершенно бессмысленными. Тем не менее, в них можно было отдохнуть.

Конан с некоторым трудом втиснул мощное тело в проем. За всеми его действиями молча наблюдала неподвижная каменная горгулья, уродливое чудовище-водосток, устроенное на карнизе, что нависал над приютившей северянина нишей. Неожиданно каменная шея изогнулась, слепые глаза со впадинами-зрачками ожили, осветились ядовито-желтым светом, и тварь, мерзко усмехнувшись, в упор уставилась на варвара.

Конан среагировал мгновенно. Он не удивился, ни испугался (об этом и речи идти не могло!); его рука в стремительном выпаде выбросила вперед меч. Острие рассекло внезапно обретшую подвижность каменную плоть так же легко, словно горгулья была из мяса и костей, а отнюдь не из крепчайшего красного гранита. Крови не было; отсеченная уродливая голова, кувыркаясь, полетела вниз, а северянин вполголоса выругался. Чародеи — если здесь обитали чародеи — любили пошутить. Что ж, мы еще посмотрим, кто сохранит голову на плечах, для того чтобы шутить впоследствии…

Конан поднимался все выше и выше. И ему по-прежнему не встречалось ни единого окна. Стена, сплошь покрытая игривыми завитушками — и все.

Бесконечный подъем начинал утомлять даже необычайно выносливого киммерийца. Эдак он вскоре доберется до крыши — и что дальше? Конечно, крыш без чердачных окон не бывает, — однако он совсем недавно думал, что дворцовых — не крепостных! — стен без окон тоже не встречается. Однако вот встретилась…

Как и предполагал Конан, в конце концов он достиг кровли. Было непросто после долгого и утомительного подъема перебраться через нависавший над головой широкий карниз — однако варвар одолел и это последнее препятствие и, облегченно вздохнув, растянулся на теплой плоской крыше. Теперь можно было отдохнуть и подумать, что делать дальше…

Однако долго предаваться этому занятию ему не позволили.

Оказалось, что местные хозяева тоже не дремлют. И слуги у них таковы, что почернели бы от зависти все величайшие из числа земных королей.

Ожили статуи, щедро расставленные по края крыши. Бронзовые позеленевшие драконы, воители с длинными мечами, сказочные существа самого зловещего вида — все это разношерстное металлическое воинство бесшумно сошло с пьедесталов и двинулось к Конану. Правда, шагали они не слишком быстро — казалось, на спине каждого из бронзовых бойцов навешен тяжкий груз. Они шли плотной цепью, отрезая киммерийцу дороги от края кровли.

Северянин сорвался с места, точно лось, потревоженный рогами охотников. Варвар понимал, что его спасение сейчас — в быстроте, если только его клинок не срубит головы этим тварям так же легко, как он срубил ожившей каменной горгулье.

В ушах засвистел ветер. Гибкая шея громадного лебедя, вся в пятнах зеленой патины, потянулась было к киммерийцу, странный, усеянный металлическими зубами клюв громко клацнул, и варвар в ответ походя рубанул чуть ниже голову чудовищного создания. Стальной меч оставил глубокую зарубину на мягкой бронзе, но не рассек ее. Эти статуи, обретя жизнь, сохранили прочность материала, из которого были отлиты изначально.

Теперь Конана могла спасти только ловкость. Он увернулся от одной атакующей пасти, другой, третьей… ему не впервой было прорываться через такие вот зверинцы — только там чудовища были обычными, из плоти и крови, и стальной меч в умелой руке служил надежной защитой. Здесь же северянину едва ли не впервые в жизни пришлось полагаться на ловкость, а не на силу.

Однако долго так продолжаться не могло. Конан не видел и малейших признаков усталости у бронзового воинства. Не попадалось также и ведущей вниз лестницы. В конце концов северянин оказался в кольце врагов. Тяжелая дубина обрушилась на его голову, и все померкло.

Глава V

Очнулся Конан отнюдь не в цепях и не в мрачной темнице, где с потолка капает вода, а по стенам невесть зачем гоняются друг за другом улитки. Напротив. Северянин сидел в низком удобном кресле, на широкие плечи его чьи-то руки накинули пурпурную тунику. Старые, видавшие сандалии исчезли. Замененные новыми, весьма элегантного вида. Как ни странно, оружие Конана тоже осталось при нем — меч по-прежнему висел на левом боку, что казалось тем более странным, потому что пояс ему заменили тоже. Новый — широкий, мягкой кожи — был весь изукрашен серебряными и золотыми бляхами, что превращало его в некое подобие оружия.

Перед Конаном стоял низкий столик на украшенных прихотливой резьбой ножках, покрытый пурпурной же скатертью и уставленный драгоценной утварью настолько плотно, что Конан насилу разглядел саму скатерть между бесчисленных кубов, фиалов, чаш, блюд, тарелок и прочего столового добра. Сверкало начищенное золото; другие металлы сюда не допускались.

Под стать золотым тарелкам оказалась и снедь — Конан едва ли смог бы назвать два-три из оказавшихся перед ним яств.

Просторный покой без окон был роскошно разубран. Стены задрапированы золотистыми гобеленами. В глубоких нишах застыли каменные скульптуры — все из малахита, яшмы, оникса, нефрита и других редких пород камня. Изображали они людей — разных людей, но каждый держал в руках громадную чашу, очень похожую на ту, в которой тащили упыриху два незадачливых ученика ордена Торгующих Богами… Конан поднялся — его не связали, оставив

свободным. Не отобрали меч — да что же, безумцы тут живут, что ли? Или они настолько уверены в своем чародейском могуществе, что простые железки клинков им уже не страшны? Если так, то он, Конан, докажет этим гордецам, насколько они ошибаются!..

Однако выяснилось, что привести это намерение в жизнь киммерийцу будет не столь просто — в роскошном покое не оказалось ни окон, ни дверей. Свет давали несколько масляных ламп, развешанных тут и там по стенам.

Первым делом Конан оборвал все до единого гобелены — напрасно. Его взорам открылась лишь тщательно оштукатуренная каменная кладка, покрытая прихотливой росписью. Стиснув зубы, варвар принялся простукивать эфесом меча стены — с тем же результатом. Напрягшись и закряхтев от натуги, сбросил с постамента одну скульптуру, другую, треть — не отыщется ли в их подножиях тайного хода? Бесполезно.

Но ведь как-то они ж меня заманили в эту клетку! — злясь на самого себя, Конан вновь и вновь обходил углы роскошной тюрьмы. Нет, выход должен найтись! Иначе…

— Иначе тебе придется, наконец, признать, что впервые в жизни ты потерпел поражение, киммериец! — раздался откуда-то сверху сильный, уверенный мужской голос. Конан поднял голову — опять ничего. Украшенный лепниной потолок. И все. От злобы и бессилия варвар готов был завыть, точно затравленный волк. Проклятые чародеи! Его бы воля, он извел бы этот поганый род под корень, до десятого колена, не пощадив даже младенцев в колыбелях. Который уже раз они становились у него на пути! И каждая победа обходилась варвару очень и очень недешево.

— Кто ты такой, сожри тебя Эрлик?! — рявкнул в ответ Конан, отнюдь не собираясь признавать свое поражение. Этого они не дождутся — он проиграет только когда расстанется с жизнью.

— Кто я такой, для тебя совершенно неважно, мой юный друг. Мое имя тебе ничего не скажет. Я никогда не стремился к славе. Можешь называть меня хозяином, потому что все в этой долине — и живое, и мертвое — принадлежит мне! Ты понял меня? Твоя жизнь — как и то, что последует за ней — в моих руках, киммериец!

— Ну, хорошо. А что тебе тогда от меня надо?

— Я могу задать тебе тот де самый вопрос, — парировал незримый собеседник. — Ты явился ко мне незваным — зачем? Я не сделал тебе ничего плохого. А теперь…

— Я и теперь не сделал тебе ничего плохого, — соврал Конан.

— Как ничего? А горгулья?

— Подумаешь, горгулья! Разве такой могущественный чародей, как ты, не может сотворить новую? А, кроме того, когда внезапно оживают камни, то поневоле пускаешь в ход меч!

— Хорошо, забудем! — великодушно сообщил волшебник. — Ты прав, сотворить новое украшение на моей стене мне ничего не стоит. Но теперь давай поговорим о другом. Расскажи мне о себе. Кто такой, кем был твой отец, где твоя родина? Ты ведь не из южных королевств, я вижу.

— Обычно чародеи не прибегают к словам, чтобы узнать подобное, — пожал плечами Конан. — А я про себя никому и ничего не рассказываю.

— Напрасно, мой горячий друг, очень напрасно! Ведь от твоих слов будет зависеть, чем закончится для тебя это приключение… — Тон незримого собеседника стал напыщенно-зловещим, точно у уличного актера в Заморе. — Не следует вот так, сразу, отказываться говорить со мной. Здесь упрямство стоит очень дорого!

Конан равнодушно пожал плечами.

— Мне бесполезно грозить, — сообщил он чародею. — Говорить с тобой я все равно не стану.

— А я так надеялся расположить тебя к себе! — лицемерно вздохнул маг. — Я оставил тебя твой меч, на столе перед тобой — самые изысканные вина и кушанья, какие только можно измыслить. Я вправе был рассчитывать на твою откровенность! Разумеется, я могу заставить тебя сказать мне все, но… это же так примитивно! Подобным занимаются только тупоголовые правители этих ничтожных королевств, что окружают мои владения…

— А что тебе в моем рассказе? — в свою очередь спросил Конана (разговаривающий враг — уже полврага!). — Зачем тебе знать все про меня? Тебе, могущественному чародею? Ответить мне, для чего?

Казалось, чародей обрадовался.

— Давно бы так, — одобрительно промолвил он. — Слушай же! Я собираюсь даровать тебе, дерзкий воин, новую, прекрасную жизнь. Я сделаю тебя богом!

Признаться, Конан не ожидал ничего подобного. С таким предложением к нему еще не обращались.

— Богом? — не веря своим ушам, переспросил киммериец.

— Богом, богом, — радостно подтвердил волшебник. — Ты не ослышался. Ты смел, силен и красив… ты будешь отличным богом!

В душе Конана зашевелились первые, пока еще смутные, подозрения.

— Я все-таки не понимаю тебя, назвавшийся хозяином! Что значат твои слова? Или ты мнишь себя могущественнее митры, Индры, Сета и прочих небожителей? Берегись, они завистливы и ревнивы и им едва ли понравятся такое деяние!

— За меня не беспокойся, — высокомерно проронил чародей. — Думай лучше о себе. Тебе придется выбирать — либо покориться мне и стать тем, кем тебе предначертала судьба, или же… — Он выразительно умолк, давая воображению пленника возможность самому дорисовать картины пыток и мучений.

Но на Конана подобные приемы не действовали. ОН только вновь пожал плечами и поудобнее устроился в кресле. Разумеется, ни пить, ни есть со стола своего пленителя он не собирался. Киммериец хотел выждать. Здешнему хозяину явно было что-то от него нужно — что ж, пусть говорит. А там видно будет.

— Так что же ты мне скажешь? — собеседник киммерийца начал терять терпение.

— Ничего, — последовал спокойный ответ. — Я не играю в такие игры. Расскажи все толком, и тогда, быть может…

— Никогда не встречал столь наглых бродяг, — задушевно произнес чародей. — Но да ладно, сегодня у меня по-настоящему хорошее настроение, ты — отличная добыча, и потому я готов пропустить мимо ушей твои дерзости. Слушай же, воин! Как я уже сказал, ты станешь богом. Ты обретешь вечную жизнь. Да-да, именно так, вечную! Ты станешь бессмертным. Тебе будут поклоняться людские племена. Приносить тебе жертвы. Приводить самых прекрасных девушек — девственниц или, напротив, утонченных развратниц, как ты пожелаешь. Золото будет течь к тебе рекой. Окруженный всеобщим поклонением, непогрешимый, неуязвимый, вечный, станешь ты править отданным твоему водительству народом, пока не исчахнут усталые звезды и Всеотец не низринет сей несовершенный мир в горнило Первозданного Пламени, где сгинут и боги, и смертные, и начнется новый жизненный цикл… И это — вместо жалкой участи смертного! Подумай — еще один-два десятка лет, и тело твое откажется служить тебе. Болезни подточат несокрушимое здоровье, мускулы утратят былую силу. Ты превратишься в дряхлого, беззубого, трясущегося старика, не помнящего даже свое собственное имя. Мальчишки будут швырять в тебя камнями и кричать — "плешивец, плешивец!".. хотя нет, постой, это совсем из другой истории… Одним словом, ты понял меня? Или те старики, которых ты встречал, не служат самым ярким доказательством моих слов?

— Стариков я, конечно, встречал, — невозмутимо ответил Конан. — Но у моего народа есть присловие — тот не мужчина, кто доживает до старости и умирает в собственной постели. Я не успею состариться, не бойся. Я паду в честном бою, и мой дух отправится в небесные чертоги Крома! — Конан осекся, сообразив, что проговорился, но было уже поздно.

— А, так ты из Киммерии! — обрадовался волшебник. — Очень хорошо, очень! Ты-то мне и нужен! И у меня уже есть для тебя отличное место… — Он сделал паузу, словно чтец, отыскивающий нужный свиток. — Ага, вот оно. Ну да, так и есть — прекрасное место, воинственное и многочисленное племя… Женщины его страстны и красивы, мужчины — храбры и кровожадны. Ты именно тот бог, что им нужен!

— И что же ты требуешь взамен этого великолепия? — поинтересовался Конан. — Власть, бессмертие, богатство, женщины… Кстати, как насчет их? Тело я сохраню или как? Без этого я не согласен!

— Сохранишь, сохранишь! — радостно воскликнул волшебник. — Ну конечно же, сохранишь! Иначе вся затея была бы лишена смысла! А суть именно в том, чтобы тебя могли лицезреть восторженные верующие! Не каждый день, конечно же… по праздникам… но могли бы!

— А женщина мне нужна каждый день! — заупрямился Конан, изо всех сил пытаясь сыграть как можно лучше — волшебник должен был уверовать в согласие киммерийца и выболтать побольше — глядишь, и из его слов Конану удастся понять, как с ним бороться… Шанс ничтожный, но иного у северянина просто не было.

— Ну, ты слишком многого хочешь! — Чародей принялся торговаться, словно мелкий разносчик на рынке. — Виданное ли это дело — женщина каждый день! Хватит и одной ночи в месяц…

— Тебе, может, и хватит, — отпарировал Конан. — Но не мне. Каждые два дня — это мое последнее слово!

— Но тогда утратится вся твоя божественность! — возмутился чародей. — Получится, я зря старался?!

— Ну, это меня не волнует, — Конан откинулся на спинку кресла.

После долгого препирательства они в конце концов сошлись на каждой четвертой ночи.

— Только учти — твоих любовниц тебе придется или есть живьем, или поджаривать на медленном огне и пожирать уже потом, — злорадно предупредил волшебник. — Иначе тебя не будут бояться, а если тебя не бояться — то какой же ты бог?

— Пожира-ать? — удивился Конан. — Вот еще! Я же не дикарь. Нет, так дело не пойдет.

Чародей, похоже, начал терять терпение. Голос его внезапно загремел, словно самый исполинский водопад. Задрожали стены, с потолка посыпалась какая-то крошка, качнулся даже пол под ногами варвара.

— Ты окончательно забылся, червь! — грянуло под сводами покоя. — Ты что, не понимаешь, что полностью в моей власти? Я смогу превратить тебя в кого захочу! В змею, которую отправлю в вольер с голодными мангустами! В вола, навечно прикованного к мельничьему колесу! Наконец, я могу тебя просто убить!

— Если бы все это было так, как ты говоришь, ты бы не торговался со мной так долго, — заметил киммериец, не теряя присутствия духа. — Значит, я тебе нужен. А коли нужен — то ты будешь выполнять мои условия, а не наоборот. А грозить мне — пустое дело. Разве ты этого еще не понял?

Вместо ответа раздался дикий рев и грохот. Каменные блоки стен разлетались в пыль под чьими-то исполинскими ударами; за несколько мгновений в противоположной стене появился широкий пролом. Там во тьме смутно мерцали алые огни, тянуло сухим жаром. И еще — оттуда

неслись стоны, вопли и горестные проклятия тысяч и тысяч голосов. А потом всех их заглушило рычание Зверя. Миг спустя он появился и сам — туловище тигра, голова слона, лапы дракона, хвост скорпиона, пасть акулы… Глаза-блюдца, бивни оточены, словно копья, когти на лапах крошат каменные плиты пола… Чудовище было готово к броску.

Конан вскочил на ноги. Кажется, эта тварь не из металла — что ж, наконец-то пришло время поговорить на знакомом ему, Конану, языке!

Меч с шипением вырывался из ножен. В следующий миг бивни пронзили пустоту на том месте, где секунду назад стоял киммериец. Растопыренные лапы загребли воздух — и тоже напрасно. Конан не стоял на одном месте, он танцевал, он парил над полом, и его клинок со всей отпущенной варвару силой вонзился в уязвимое место чудовища — под мышку, по самый эфес погрузившись в свисавшие мягкие складки кожи. Остальное туловище твари было надежно защищено чешуйчатой броней; тигриные полосы поверх нее казались бредом сумасшедшего живописца.

Раздалось хлюпанье и мокрый шлепок. Северянин вырвал меч из раны и в тот же миг вонзил его снова, проворачивая вокруг своей оси. Тварь взвыла дурным голосом, завертелась на месте, слепо шаря вокруг себя чудовищными лапами и впустую щелкая когтями. Однако Конану было не впервой встречаться с подобными монстрами. Не раз и не два самонадеянные чародеи выпускали против него таких вот великанов, обильно уснащенных клыками, когтями, хоботами и прочим смертоубийственным инструментом; однако всякий раз выяснялось, что тяжелые, неповоротливые чудовища проигрывают легкому и подвижному северянину.

Из рваной раны хлынула темная вонючая кровь. Капли ее обжигали, словно в жилах чудовища струила крутой кипяток. От рева раненой твари можно было оглохнуть.

Киммериец ловко уклонился от машущего жала, ткнул острием клинка в его основание (новый взрыв воя и рева) и оказался с другой стороны чудовища. Поднырнув под чудовищную лапу, он опять повторил раз удавшийся прием. Меч вспорол складки кожи в подмышечной яме и, похоже, дошел до одной их жил — кровь хлынула, точно из пробитой бочки. Теперь оставалось только ждать, когда тварь ослабеет от потери крови. Горло, еще одно уязвимое место, у этой твари закрывали толстые роговые чешуи — ее создатель оказался хитрее прочих. Главным было не подвернуться под лапу монстра; его хваленое жало на хвосте бессильно повисло.

Обрывая драгоценные гобелены, кроша яшмовые и малахитовые скульптуры, чудовище вертелось на одном месте, пытаясь зацепить Конана когтями или же пронзить бивнями. Слоновий хобот яростно сжимался и вновь раскручивался. По отвислым губам стекала слюна. Бока твари обильно покрывала кровь. Еще некоторое время — и киммерийцу останется только добить чудовище.

Однако у так и не появившегося хозяина этой твари был предусмотрен, оказывается, и этот исход. Слабо взбрыкиваясь, тварь внезапно устремилась обратно к пролому, ненавидяще глядя на киммерийца алыми, как закат, глазами. Ей на смену из темноты двинулись ужа знакомые варвару бронзовые чудовища. Конан скрипнул зубами — для его меча эти бестии были неуязвимы — и, собрав все силы, ринулся на прорыв. Жесткая бронза ободрала бок, но киммериец сумел ужом проскользнуть между сходящихся металлических тел, устремляясь к единственному открытому для него пути бегства — пролому в стене, к той самой темноте, где зловеще вспыхивали алые зарницы. Только там у него еще оставались шансы. Только там — в полной неизвестности.

Провал встретил киммерийца разверзшейся навстречу ему исполинской бездной без дна и краев. Казалось, здесь открывается проход к тайным иномировым царствам подземных богов. Казалось, комната, в которой очнулся киммериец, располагалась на исполинском столбе, чье основание терялось где-то внизу, во мраке темных преисподних.

За спиной тяжело топал развернувшийся строй бронзовых тварей. Конан обернулся и

глубоко вздохнул. Синие глаза киммерийца по-прежнему горели яростным боевым огнем, однако он понимал, что на сей раз столкнулся с силой, намного превосходящей мощь его мускулов. Этот волшебник не ошибался. Сам он так и не дерзнул появиться перед северянином, действовал чужими руками. И добился полного успеха. За спиной — неуязвимые бронзовые воины, перед лицом — беспредельность провала. Выбирай, киммериец! Шаг вперед или шаг назад? Плен или смерть? Смерть или плен? Решай быстро!

И Конан решил.

Впервые в жизни он столкнулся со столь страшным противником. С противником, который не допускал ошибок. И теперь ему, Конану, чтобы избежать позора, что хуже смерти, осталось только одно — сделать шаг вперед, в бездонную пропасть.

Северянин шагнул. На миг все его существо взорвалось истошным воплем, воплем не желавшего умирать тела — нет! повернись! сдайся! согласись! Чудовищным усилием воли варвар загнал вглубь этот жалкий и постыдный крик. Нет, он не опозориться в эти последние мгновения. Кром, отец Киммерии, смотрит на своих сыновей, и нельзя опозориться в последнюю секунду…

Под ногами варвара разверзлась пустота. Стало внезапно легко-легко, только очень свистел, оглушая, ветер в ушах. Багровая тьма распахивала падающему свои мягкие объятия, готовая принять и растворить в себе еще живое человеческое тело.

Огни, огни, огни… огни, мрак и бездна. Любимые игрушки тех, кто гордо именовал себя черными магами, мня себя властителями человеческих племен и целых империй. И вот теперь одному из таких игроков для чего-то потребовался Конан…

Он все падал. Мгновения утекали одно за другим, а последнего страшного удара все не было. Напротив, ветер внезапно перестал выть, мягкая невидимая ладонь подхватила Конана, замедляя его стремительное падение. Потом появилась твердь. Совершенно черная, гладкая — как будто отполированный камень. Только это был отнюдь не камень, и Конан отлично знал это. Знал, потому что чувствовал своим чутьем варвара, пусть и странствовавшего немало лет по цивилизованным хайборийским краям, но так и не утратившего то редкостное, присуще лишь его народу чутье на совершенно чуждые нашему миру магические силы. Они испокон веку окружали предков Конана, и племя киммерийцев мало-помалу научилось и чувствовать их, и бороться с ними. Иначе сородичи Конана никогда не смогли бы выжить.

Конан, целый и невредимый, стоял посреди мрачного подземного царства. Над головой переливались сполохи алого пламени. Все вокруг казалось совершенно одинаковым, все пути походили друг на друга как новенькие монеты, только что вышедшие из рук чеканщика. Куда идти? Киммериец поднял глаза, отыскивая тот столп, с вершины которого он и попал сюда — не нашел, все вокруг окутывал мрак.

— Ну вот ты и пришел ко мне, — раздался знакомый голос. Мага по-прежнему не было видно. Звучал лишь холодный голос, полный злобного торжества. — Теперь нам осталось лишь довершить дело.

Конан не ответил. Взглядом он искал врага — и не находил. Вокруг по-прежнему был один лишь мрак, озаряемый беспорядочными алыми вспышками. Ни дорог, ни путей, ничего; не с кем сражаться, некого рубить, остается лишь слушать этот гнусный усмешливый голос, слушать до тех пор, пока не появится нечто вроде той твари с бивнями, которую можно будет пронзить мечом!

— Я испытал тебя — и ты отлично прошел испытание, — высокопарно продолжал тем временем волшебник. — Ты будешь отличным богом! У меня, как я уже сказал, есть для тебя отличное местечко. Плата уже получена. Так что ничто не мешает тебе пройти трансформацию и отправиться в путь! Тебе даже не придется шевелить ногами. Мои слуги доставят тебя на

место, так что ты даже ничего не почувствуешь!

Конан мрачно усмехнулся. Он уже догадывался, зачем волшебнику потребовалась его скромная персона. Стать Богом-из-Чаши, быть проданным какому-то дикому племени, чтобы ему поклонялись — а он, Конан, в свою очередь, превратиться в куклу засевшего в этом замке чародея, чтобы выполнять все его приказы.

И все-таки волшебник не мог осуществить свой замысел немедленно. Иначе он давно бы уже привел его в исполнение. Что-то мешало ему, какая-то мелочь, которая, тем не менее, до сих пор хранила киммерийца, вынуждая его врага в долгие и бессмысленные разговоры. Или же маг просто развлекался? скука — самый страшный враг сильных мира сего, потому что он нее нет спасения.

— Ну хорошо! — крикнул Конан. Надо было заставить этого колдуна сделать очередной ход. — Что мне делать? Куда идти?

— Давно бы так! — удовлетворенно заметил голос. — Иди прямо вперед, куда — неважно. Я сейчас прибуду сам, и мы быстро со всем справимся.

Глава IV

После этих слов все сразу и резко изменилось. Исчез мрак, исчезли алые всполохи; взорам Конана открылся хоть и громадный, но все же вполне обозримый подземный зал, чем-то очень похожий на недавно покинутый киммерийцем храм Спящего бога. Только здесь, в царстве Торгующих Богами, не было вовсе никаких колонн. В дальнем от Конана конце располагался громадный очаг — не менее полусотни шагов в поперечнике, он занимал место от стены до стены. Перед ним стояло несколько человек в серых хламидах, а чуть левее, на возвышении, небрежно опершись локтем на каменный столбец узорного мрамора, замер невысокий человечек, маленький, тщедушный, почти что карлик.

— Ну вот, все и готово, — услыхал киммериец голос карлика — того самого грозного волшебника, что наводил ужас на самого Марагара, верховного жреца Спящего бога и не последнего чародея! Конан усмехнулся. Что ж, этого следовало ожидать. Чем меньше телесных сил, тем больше злобы и желания отомстить всем вокруг.

Повинуясь командам волшебника, северянин неспешно пошел вперед. Меч болтался бедра, однако Конан понимал, что на сей раз его спасет хитрость, а не оружие. Его верный меч, не раз выручавший его в схватках с демонами, на сей раз оказался бессилен. Серебряный шар превратился — кто знает, на время или навсегда? — в самое обычное украшение эфеса, ничего более.

Приближаясь к своему врагу, Конан увидел, что сгрудившиеся помощники чародея уже держат наготове знакомую северянину большую чашу. Судьба варвара казалась решенной — сейчас на него обрушится магическая атака, его человеческая сущность будет изничтожена, и он превратится в жуткого и кровожадного Бога Чаши, подобного той упырихе, которую он убил в ущелье. Теперь Конан понимал, что сразил не страшного монстра, неведомо как вырвавшегося на волю из иномировых бездн, а такую же, как и он сам, смертную — несчастную девчонку-рабыню, то ли купленную на шадизарском базаре, то ли просто плененную разбойниками на одной из караванных троп в Карпашских горах…

Шагая, варвар не отрывал пристального взгляда от тщедушного колдуна. Бывало, что все силы такого чародея оказывались сосредоточены в каком-то кристалле, кольце, амулете или еще чем-либо подобном. Разбив или захватив такой предмет, можно было разрушить и все созданные с его помощью злые чары. Однако на сей раз все оказалось не так. У карлика не было (по

крайней мере, на виду) никаких священных предметов. Он, похоже, довольствовался одними лишь словами да собственными руками. Больше ему ничего нужно не было.

— Ну, давай же приступим! — чародей потер сморщенные ладони, более напоминавшие птичьи лап. — Уверяю тебя, мой дорогой гость, это будет совсем не больно и потребует очень немного времени. Хотя… постой… а это что еще за штука у тебя на шее?!

За всеми приключениями и происшествиями Конан совсем забыл о надетом ему на шею убийственном венке. Он делал то, что обещал, и выбросил из головы все посторонние мысли. Однако оказалось, что прощальный подарок девчонки-колдуньи был вовсе не так просто — Торгующий Богами явно не пришел в восторг, увидев его на шее Конана. Просто удивительно, что венок не попался здешнему хозяину на глаза раньше — пока Конан лежал без сознания, например.

— Постой-ка, мой дорогой! — Волшебник вытянул руку и наморщил лоб, пристально разглядывая венок на шее киммерийца.

— Откуда это у тебя, мой дорогой?

— Неважно, — Конан продолжал медленно идти к чародею. — Тебя это не касается.

— Ошибаешься, мой дорогой, ошибаешься… И стой, когда я тебе приказываю!

— Я выполняю приказы только одного человека — а именно свои собственные, — равнодушно сообщил Конан, не замедляя шага.

Волшебник, если и хотел что-то сказать или сделать, то явно опоздал. Бросок Конана был подобен броску разъяренного тигра из зарослей на спину ничего не подозревающей антилопе. Мощное тело киммерийца сбило тщедушного чародея с возвышения, руки Конана сомкнулись на тонкой шее врага; сейчас, еще один миг — и разъяренный северянин попросту оторвет магу голову напрочь.

Однако вместо податливой стариковской шеи варвар ощутил под пальцами самый настоящий камень. Конан невольно поднял глаза — его ладони обхватывали не горло волшебника, а мраморный столб!

Чародей стоял в сторонке и надрывался от хохота.

— Зачем… зачем же ты стал душить мертвый камень?..

Конан выпрямился. Будь что будет, он не позволит загонять себя в какую-то там чашу! Да будь ты хоть варвар вновь бросился вперед, только на сей раз он атаковал не чародея, а его слуг, что так и стояли с чашей возле громадного очага. Согнувшийся пополам от смеха волшебник прозевал прыжок Конана, а когда опомнился, было уже поздно.

Эти несчастные хоть и умели сражаться и имели при себе свои посохи, удержать киммерийца не могли. Наверное, в тот миг с подобным не справилась бы и сотня обученных солдат. Обезглавленные, разрубленные надвое, даже четвертованные тела так и полетели в разные стороны. Иные с шипением падали в огонь. Миг — и за ними последовала приготовленная для Конана Чаша. Огонь лизнул ее серебряные бока — и они внезапно поплыли, расплавляясь, теряя форму и очертания. Видно, в очаге горел не простой огонь.

— А где же все эти бездельники, именующие себя моими учениками? — Вопросил он пустоту.

— В огне, — коротко бросил Конан. С лезвия его меча медленно стекала кровь.

— О, да ты и в самом деле славный боец! Ну, учеников мне не жаль — наберу новых… Так, Чашу ты тоже расплавил… Охо-хо, сколько трудов — и все придется теперь делать мне самому!

С этими словами чародей, кряхтя, нагнулся над полом и щелкнул пальцами. Каменная плита немедленно перевернулась; на ее обратной стороне стояла серебряная Чаша, точь-в-точь такая же, как и только что брошенная в огонь киммерийцем.

— Та-ак… чаше есть… теперь осталось только произнести заклинание…

— Что, и все? Я считал, что превращение в Бога требует несколько больших усилий! — стараясь сохранять спокойствие, заметил Конан.

— Сперва я должен снять с тебя это нелепое украшение… — волшебник указал пальцем на венок. — Пока она на тебе, ничего не получится…

Он кичился своей силой, этот странный, невесть откуда взявшийся Торгующий богами. Ему нравилось говорить правду своей жертве.

Конан замер. Он понимал, что с чародеем такой мощи ему не совладать. По крайней мере, в тот момент, когда внимание мага сконцентрировано именно на нем, Конане. Однако кое-что начало внушать надежду — серебряный шар эфеса, разогревшись около магического пламени, что пылало в очаге Торгующего Богами, начал мало-помалу светиться пока еще слабым, тусклым, но хорошо заметным светом, и у Конана враз полегчало на сердце. По крайней мере, он умрет — если он умрет — не как бык на бойне, а сражаясь!

Маг кривился, шипел, плевался и дергался, словно у него рвали гнилой зуб. Очевидно, та малолетняя колдунья оказалась далеко не неумехой, и снять надетый ею смертельный венок оказалось не так просто. Пользуясь тем, что волшебник совершенно перестал обращать на него внимание, Конан шаг за шагом начал подкрадываться к нему, оставаясь внешне совершенно спокойным, словно стать богом из чаши было его заветнейшей мечтой.

Венок на шее северянина тоже не остался безучастным к происходящему. Сперва он стал ледяным, потом — почти нестерпимо горячим. Потом раздался легкий треск, и Конан понял, что Торгующий Богами все-таки начал одолевать. Рушилась последняя преграда, отделявшая варвара от заключения в серебряной чаше.

Конан вновь прыгнул. На сей раз это был прыжок отчаяния, прыжок загнанного волка на копья и стрелы охотников, когда благородный зверь ищет лишь одного — быстрой смерти. В отличие от волка, Конан хотел жить — однако был готов и к тому, что этот его бой окажется последним.

Волшебник встретил киммерийца страшным встречным ударом, словно опытный кулачный боец. Суховатый кулачок врезался в прикрытый броней упругих мускулов живот варвара, отшвырнув того шагов на пять. Клинок же Конана, нацеленный в голову врага, оставил лишь длинную кровавую царапину на плече колдуна.

— Ох-х! — вырвалось у чародея. — Меч!.. твой меч!.. — Лицо его исказилось. — Ожил, проклятый!..

Нечего и говорить, насколько воспрял духом Конан после таких слов. И, хотя удар волшебника потряс варвара так, как не потрясали самые сильные удары, когда-либо полученные им за всю жизнь — он вновь поднял меч и замахнулся, готовясь к новому броску. Однако на сей раз волшебник опередил его.

Руки чародея внезапно удлинились, и кулак его вновь ударил киммерийца в грудь. Перед глазами варвара взорвался ослепительный сноп искр — и, теряя сознание, Конан распростерся на полу. В один миг чародей оказался возле поверженного, сорвал с него тот самый мешавший ему венок и, сопя от натуги, потащил тело к очагу.

Роковая чаша стояла рядом. Сквозь боль Конан чувствовал, как умелые, жесткие руки чародея начинают уминать его тело, точно пекарь — тесто; казалось, еще миг — и он, Конан, окажется внутри.

Мертвящая хватка ослабла внезапно. Боль отступила, и Конан, подняв глаза, понял причину остановки — стены в дальнем конце зала рушились, а в пролом, расшвыривая беспорядочно мечущихся бронзовых зверей, медленно и торжественно вплыло черное облако, заключавшее в себе злобный дух мертвого жреца Марагара.

— Он мой! — По залу поплыло мерзкое, еле слышное шипение, все пропитанное ядовитой

злобой. — Он мой, и я должен отомстить за себя!

— Нет, он мой! — выкрикнул в ответ карлик. — Марагар, что стало с тем богом, что я тебе продал?

— Твой бог оказался барахлом. Он, — темное дымное щупальце указало на Конана, — он убил его. А потом сумел коварно и подло убить мое тело. Но дух мой жив, и я пришел сюда за справедливо принадлежащей мне добычей!

— Как бы не так! — рявкнул Торгующий, и Конан невольно поразился мощи заключенного в столь жалком теле голоса. — Уходи отсюда, добыча демонов! Ты проиграл, а я выиграл. Кан-Демур теперь мой! Я пошлю туда своего нового бога, и все склонятся перед ним!

Облако-Марагар не ответил. С невесть откуда взявшейся прытью он рванулся вперед, словно чудовищный спрут, выбрасывая вперед струи дыма, служившие ему щупальцами. Первый его удар смял защиту чародея, отшвырнул того от лежащего Конана. Воспользовавшись этим, северянин вскочил на ноги.

О нем, похоже, все тотчас забыли, Перекатившись через голову, карлик тоже вмиг оказался стоящим. Лицо его дико перекосилось, глаза метали молнии. Сжав кулачки, он походил на ободранного бойцового петуха, — но на очень опасного петуха, досконально знающего все тонкости боя.

Голубой огонь заметался между сжатыми кулаками волшебника. Прежде, чем туча-Марагар успел нанести новый удар, сгусток сияющего пламени грянул прямо между глаз демона. Тот взвыл, в середине его лба мгновенно образовалась глубокая воронка, расширявшаяся с каждой секундой. Щупальца забились, точно в агонии — однако до агонии этому существу было еще очень далеко. Дымные струи потянулись вдоль дальних стен, вдоль потолка, со всех сторон устремляясь к сжавшемуся возле очага волшебнику.

Торгующий Богами торжествующе усмехнулся и бестрепетно опустил руку в огонь своего очага. Когда Конан вновь увидел его ладонь, на ней горел, извиваясь, словно змея под музыку базарного заклинателя, длинный и тонкий язык пламени. И этим языком, словно мечом, колдун с размаха рубанул по самому дерзкому щупальцу Марагара, что протянулось существенно дальше других. Удар был хорош, однако дым просто расступился перед магическим оружием, и пламенное лезвие, выбросив целый сноп разноцветных искр, врезалось в пол, погрузившись в камень на всю длину клинка.

Марагар тотчас воспользовался этим. Здесь, возле очага, где горел колдовской огонь, демон явно набрался новых сил. Во всяком случае, двигался он куда быстрее, чем на поверхности земли. Его бесчисленные щупальца со всех сторон устремились на колдуна, и вот первое захлестнуло карлика поперек груди…

Впрочем, тот не остался в долгу. Весь скривившись от усилий он, не в состоянии вытянуть застрявший в камне огненный меч, сломал его возле рукояти и обломком клинка полоснул по стремительно уплотнявшемуся щупальцу, как будто демон перекачивал в него свою новосотворенную плоть.

Это подействовало. Щупальце лопнуло, превращаясь снова в дым; освободившись, чародей вновь замахнулся, посылая вперед созданный из запасов его внутренней силы шар голубого огня. Марагар встретил оружие врага в воздухе сплетением нескольких струй дыма; они исчезли в пламенной воронке, но дело свое сделали. И тотчас же новый удар демона вновь поверг колдуна наземь.

Однако это стало последним успехом того существа, что унаследовало память и ненависть Марагара, верховного жреца забытого бога. Вскочив на ноги, карлик, несмотря на текущую из носа и ушей кровь, больше не стал уклоняться, прятаться, или же пытаться решить дело, состязаясь в меткости и мощи магических снарядов. Вместо этого он решительно бросился

навстречу демону, словно намереваясь схватиться с ним врукопашную. За ним тянулся алый шлейф из тонкого огня; и вцепившиеся было в него щупальца вспыхнули, словно пуки соломы, брошенные в огонь. Карлик кинулся прямо к распахнувшейся пасти демона-Марагара и исчез в ней.

Чудовищная физиономия жреца мигом исчезла. Туча забурлила и закипела, словно сеть, полная живой, бьющейся рыбы. По стенам побежали трещины; рядом с Конаном упал здоровенный обломок камня. Из пещеры надо было убираться, и поживее.

Шар на эфесе Конана раскалился добела.

Киммериец не мог трусливо бежать, воспользовавшись тем, что оба его врага заняты схваткой. Широко размахнувшись, северянин обрушил клинок на один из клубистых отростков тучи — и на сей раз орудие, добытое в покоях императора Веледа, не подвело своего хозяина.

Меч оставил на боку тучи широкий алый разрез. Из раны — если только это была рана — со свистом ударил упругий поток ветра. Туча начала стремительно сжиматься, корчась и содрогаясь, точно в агонии. Из ее середины, точно детский мячик, выкатился карлик — его физиономия была разукрашена синяками и ссадинами, точно у мальчишки после уличной драки.

А трещины на стенах и потолке все расширялись и расширялись.

Черный дым стремительно уплотнялся, сжимаясь в некое подобие человеческой фигуры. Проявлялось и лицо — лицо Марагара.

Не давая врагу опомниться, Конан вновь замахнулся. Заветный клинок развалил дымного демона надвое; верхняя часть туловища — рот твари был оскален в усмешке — оказалась под ногами киммерийца.

— Наконец-то я достану тебя! — успел произнести демон за миг до того, как серебряный шар на эфесе врезался ему в пасть, разнося подобие головы на мелкие черные ошметки не то слизи, не то пара.

— А теперь твоя очередь! — взревел Конан, поворачиваясь к карлику — и едва успел отбить клинком посланный в упор огненный шар. Шар взорвался с треском и пламенем, а меч киммерийца уже летел над полом в длинном, стремительном выпаде, начисто снеся врагу голову с плеч.

Обезглавленное тело, однако же, поднялось. Руки зацепили киммерийца за плечо — прежде чем их отсекло напрочь гибельное лезвие. Варвар упал; удар потряс его до глубины. Меч вырвался из ослабевшей кисти и отлетел в сторону. Безмолвный карлик навис над раздираемым болью Конаном; даже могучее тело северянина не могло сопротивляться этой муке. Захрипев, Конан что было сил ударил ногой; пятка погрузилась в пах карлика, отшвырнув его к самому краю очага. На миг он застыл на каменном бордюре, отчаянно размахивая руками в тщетной попытке удержать равновесие — а затем рухнул прямо в пламя.

И тотчас же начал рушиться и пещерный свод.

Колдун в ужасе поднял обрубки рук, словно пытаясь удержать падающую сверху массу камней и земли — напрасная попытка. Его жалкий стон заглушил торжествующий рев подземных духов, обретавших наконец решительную победу над ненавистной им пустотой в их владениях…

Конан же только и успел, что подобрать свой меч и, в инстинктивной попытке защититься, вскинув его острием вверх. Ярко-ярко засиял серебряный шар — и все рушащееся сверху, падая, миновало киммерийца.

Вокруг него громоздились завалы, а он оставался цел и невредим.

Когда же все кончилось, оказалось, что он стоит на самом дне глубокого и узкого — в ширину его плеч — колодца. Подъем будет долгим и трудным, но зато там, над головой, синело ласковое небо. А на шее киммерийца не было больше гибельного венка.

WWW.CIMMERIA.RU